

СЕРИЯ · ФИЛОСОФИЯ

Л. МОСКВИЧЕВ

АНТИМАРКСИСТСКАЯ
СУЩНОСТЬ МИФА
О «КОНЦЕ ИДЕОЛОГИИ»

1971 · 6

Л. МОСКВИЧЕВ,
кандидат философских наук

**АНТИМАРКСИСТСКАЯ
СУЩНОСТЬ МИФА
О
«КОНЦЕ ИДЕОЛОГИИ»**

**ИЗДАТЕЛЬСТВО «ЗНАНИЕ»
Москва 1971**

Лев Николаевич Москвичев.

М 82 Антимарксистская сущность мифа о «конце идеологии». М., «Знание», 1971.

48 стр. (Новое в жизни, науке, технике. Серия «Философия», 6).

В брошюре разоблачается антимарксистская сущность теории о «конце идеологии», пропагандируемая многими современными буржуазными теоретиками. Автор показывает, что эта теория, спекулируя на некоторых процессах и явлениях, действительно имеющих место, на самом деле ложна в своей основе, больше того, она выполняет вполне определенную идеологическую функцию — теоретического обоснования и защиты современного государственно-монополистического капитализма и дискредитации марксистско-ленинской идеологии.

Теория «деидеологизации» является проявлением современного антикоммунизма, о необходимости непримиримой борьбы с которым еще раз говорилось на XXIV съезде КПСС.

В последние годы многие буржуазные ученые — социологи, философы, экономисты — все чаще и настойчивее говорят о том, что наше время — это время «заката идеологии», «конца идеологии». Они утверждают, что кончилась эпоха, когда массовые народные движения вдохновлялись какой-либо идеологией, когда у людей существовала вера в возможность перестройки социального организма на каких-либо идеологических принципах. Говорят, что ныне мы являемся свидетелями конца ожесточенных идеологических конфликтов, которые сотрясали общество еще в недалеком прошлом. «Левые» и «правые» силы обнаруживают, что у них в мировоззренческих вопросах больше сходств, чем различий. Перед человечеством стоят теперь не идеологические проблемы, а проблемы практические, касающиеся улучшения управления производством, увеличения производительности труда, ликвидации нищеты и бедности, расширения образования, благоустройства городов и обеспечения жильем и т. д.

За сравнительно короткое время эти идеи о «конце идеологии» стали на капиталистическом Западе весьма модными. Так, уже к середине 60-х годов, пожалуй, невозможно было найти сколько-нибудь значительной книги по общим социологическим вопросам, которая бы прошла мимо темы о «деидеологизации». Тезис о «конце идеологии» пытаются применить к различным сферам социальной практики и общественного сознания. Говорят о необходимости «деидеологизации» политики, социальной науки, морали, искусства и т. д. За последний десяток лет не проходил мимо этой теории и ни один международный социологический или философский конгресс. «Закат идеологической эры» пропагандируется и с университетской кафедры, и в монографиях, и в газетных и журнальных статьях. Наиболее активными теоретиками и пропагандистами «деидеологизации» выступают известные буржуазные социологи — американцы Д. Белл, С. М. Липсет, Р. Лейн, А. Шлезингер, Д. Гэлбрейт, француз Р. Арон и многие другие. На VII Всемирном социологическом конгрессе, который состоялся в сентябре 1970 г. в болгарском городе Варна, Белл представил доклад «Постиндустриальное общество: технократия и политика», в котором вновь отстаивал тезис, что

«закат идеологии» составляет существенную черту так называемого «постиндустриального общества».

Лозунг «долгой идеологии» стал также своеобразным знаменем правых лидеров социал-демократии, современных оппортунистов и ревизионистов.

В данной брошюре, которая, естественно, не претендует на исчерпывающее освещение темы, мы рассмотрим лишь некоторые, на наш взгляд, наиболее важные вопросы, связанные с марксистской критикой прежде всего того варианта теории о «конце идеологии», который представлен буржуазными социологами. Мы попытаемся показать, что теория «деидеологизации» спекулирует на некоторых процессах и явлениях, действительно имеющих место в мире, что она является одной из попыток дискредитации марксистско-ленинского учения в глазах широких трудящихся масс, что она, наконец, содержит довольно широкую программу теоретического обоснования и защиты государственно-монополистического капитализма. Внутренняя сущность, идейная направленность этой теории опровергает ее собственную фразеологию о «закате идеологической эры» и еще раз подтверждает марксистский вывод, что закономерностью нашей эпохи является обострение борьбы между буржуазной и коммунистической идеологиями.

О РОЛИ ИДЕОЛОГИИ В ЖИЗНИ ОБЩЕСТВА

Основным методом борьбы против марксистско-ленинского учения и одновременно теоретической защиты государственно-монополистического капитализма теоретики «деидеологизации» избирают искаженную интерпретацию идеологии как общественного явления. Весь комплекс вопросов, связанных с ролью идеологии в общественном развитии, с соотношением между идеологией и истиной, идеологией и наукой, идеологией и политикой, становится, таким образом, в центр идеологической борьбы между марксизмом-ленинизмом, с одной стороны, и буржуазными, правосоциалистическими и ревизионистскими теоретиками — с другой. И это не случайно, ибо проблема идеологии концентрирует в себе огромное теоретическое содержание, основные, решающие принципы классового мировоззрения. Идеологические теории и установки того или иного класса чрезвычайно рельефно отражают социально-политические позиции этого класса, его место и роль в общественном развитии — является ли он прогрессивным или реакционным, революционным или паразитическим. Отсюда становятся понятными попытки буржуазных теоретиков фальсифицировать эту проблему. Поэтому необходимо хотя бы вкратце рассмотреть марксистско-ленинское понимание идеологии.

Марксистско-ленинское понимание идеологии

Как известно, термин «идеология» вошел в науку как философско-социологическая категория с именами К. Маркса и Ф. Энгельса. Основоположники научного коммунизма относили к идеологии политические, правовые, нравственные, религиозные, художественные, философские и другие взгляды общества или какого-либо определенного класса, подчеркивая при этом общую зависимость духовной жизни общества от экономических отношений.

Они анализировали общественные идеи в их обусловленности материальным базисом общества и определяли значение этих идей в зависимости от их роли в классовой борьбе. Согласно Марксу и Энгельсу, идеология исторически обусловлена в конечном счете той ступенью, которую общество достигает в материальных производственных отношениях, а также в науке и культуре. Таким образом, идеологические теории каждого общественного класса детерминированы материальными условиями существования этого класса. Идеология представляет собой отражение социального бытия сквозь призму классовых интересов и всегда имеет ярко выраженный классовый характер. Хотя Маркс и Энгельс не называли учение научного коммунизма идеологией, их великая заслуга заключается в том, что они научно разработали философские, экономические, политические, этические и другие взгляды, которые выражают коренные интересы революционного класса современности — рабочего класса. Именно они создали научную идеологию пролетариата.

В. И. Ленин в новых исторических условиях развил дальше марксистское учение об идеологии. В частности, он определяет понятием «идеология» теории, идеи и взгляды определенных классов и социальных групп. Ленин прямо называет учение научного социализма, т. е. марксизм, пролетарской идеологией, которую коммунисты должны «всегда пропагандировать, охранять от искажений и развивать дальше» [2, т. 6, стр. 269]¹. Подчеркивая коренную противоположность коммунистической и буржуазной идеологии, Ленин характеризовал марксистское учение как «научную идеологию».

Идеология, следовательно, представляет собой теоретическое сознание класса или общественной группы, определяемое социальными и прежде всего материальными условиями их существования и дающее основные направления, принципы и цели их практической деятельности. Важнейшим отличительным признаком каждой идеологии является ее классовая (или

В конце работы приводится список цитированной литературы. Цифры указывают: порядковый номер цитируемого или упоминаемого произведения, том (если он есть) и страницу.

групповая) принадлежность, ее зависимость от интересов и стремлений данной социальной группы или класса. «...В обществе, раздираемом классовыми противоречиями, и не может быть никогда внеклассовой или надклассовой идеологии», — писал Ленин [2, т. 6, 39—40]. Идеология всегда зависит от положения класса или социальной группы в системе общественных отношений и их роли в общественном развитии. С изменением этого положения изменяются и идеологические взгляды и теории классов.

Идеологию следует рассматривать прежде всего с той точки зрения, что она есть определенным образом организованная совокупность теорий, идей, взглядов общества, класса или социальной группы. Как теоретическая система идеология может и должна рассматриваться в плане ее познавательных возможностей, т. е. как она отражает социальную реальность — объективно или субъективно, в научной форме или в извращенном, мистифицированном виде. Дело в том, что различные идеологии, существовавшие в истории общества, отражали общественное бытие с различной степенью объективности. Например, религиозная идеология содержит крайне искаженную, фантастическую картину мира. Идеология поднимающейся буржуазии накануне Французской революции XVIII века, хотя и не была лишена множества иллюзий, в целом более или менее объективно отражала социальную действительность.

В противоположность всем другим идеологиям, коммунистическая идеология основывается на прочном фундаменте научной мысли, на марксистско-ленинском учении об обществе и его развитии, т. е. марксизм-ленинизм выступает одновременно и как объективная социальная наука, и как научная идеология рабочего класса.

Коммунистическая идеология выражает коренные интересы пролетариата, дает научное знание объективных законов общественного развития, необходимое рабочему классу и всем трудящимся для успешного решения всемирно-исторической задачи ликвидации капитализма и построения коммунистического общества. Открыто провозглашая свою неразрывную связь с борьбой рабочего класса и всех трудящихся за освобождение общества от частной собственности, эксплуатации, социального, национального, духовного гнета, марксистско-ленинская общественная наука дает объективное решение проблем революционного преобразования мира.

До сих пор мы говорили об идеологии как системе теоретических воззрений. Однако идеология является особой теоретической системой. Ее знания и представления, теории и понятия, которые она содержит в себе и которыми она обеспечивает класс или социальную группу, являются такими идеями, которые нужно осуществить на практике, защитить в клас-

совой борьбе. Идеология, следовательно, отражая социальную реальность с точки зрения интересов и стремлений того или иного класса, дает практическую ориентацию для деятельности этого класса и определяет в общем виде задачи и цели деятельности отдельных индивидов. Поэтому она не только в той или иной форме отражает действительность, но и показывает, что должен делать класс или социальная группа, к каким целям, идеалам стремиться. Идеология является такой совокупностью идей, которая служит руководством в практически-политической деятельности, в классовой борьбе.

В общем виде можно сказать, что идеологии господствующих, эксплуататорских классов направлены на обоснование правомерности, необходимости и даже вечности, «естественности» тех общественных отношений и того общественного строя, при котором эти классы являются господствующими. Они поэтому содержат целую программу практически-политической деятельности этих классов в целях их самосохранения. Кроме того, такие идеологии содержат обычно и «программу» для широких трудящихся масс с целью еще большего их подчинения «властвующей элите». Идеологии же передовых, революционных классов направлены на обоснование замены отживших общественных отношений новыми отношениями, дающими простор для дальнейшего свободного развития производительных сил.

Примером идеологий первого типа является современная буржуазная идеология, которая нацелена на теоретическое обоснование и защиту капиталистического общества. Конечно, необходимо учитывать наличие определенных оттенков в рамках основных буржуазных идеологических принципов, которые в конечном счете отражают своеобразие восприятия и понимания социального бытия различными группировками и слоями, существующими внутри класса буржуазии. Но при всем этом они ориентируют (хотя и разными способами) поведение и практическую деятельность и господствующего класса, и (насколько это им удается) масс трудящихся на сохранение и даже упрочение существующего статус-кво. Они выступают тормозом прогрессивного общественного развития.

Научная идеология рабочего класса — марксизм-ленинизм, давая строго объективный и научный анализ процессов, происходящих в мире, вскрывая объективные закономерности развития общества, в частности необходимость перехода от капиталистической общественно-экономической формации к коммунистической, тем самым содержит научно обоснованную и исторически оправданную программу действий для рабочего класса, всех трудящихся и подлинных выразителей их интересов — коммунистических и рабочих партий. В. И. Ленин неоднократно подчеркивал, что сила марксистского учения в том, что оно замечательно соединяет полную научную трез-

вость в анализе социальных явлений с признанием решающей роли в историческом прогрессе инициативы, почина, творчества широких народных масс. Марксизм-ленинизм как идеология является не только научной теорией, но и научно обоснованным руководством в практически-политической деятельности.

Таким образом, идеология как социальный феномен играет важную роль в жизни общества. Идеология может быть фактором, способствующим прогрессивному развитию, но может выступать и тормозом социального прогресса, препятствующим пониманию злободневных проблем широкими трудящимися массами.

О социально-классовых истоках ложного отражения действительности

В учении классиков марксизма-ленинизма мы сознательно опустили пока один важнейший вопрос с тем, чтобы остановиться на нем подробнее. Речь идет о так называемом «ложном сознании», неправильном, искаженном отображении действительности, его социально-классовой обусловленности и условиях его преодоления.

Дело в том, что до открытия материалистического понимания истории вся предшествующая общественная мысль базировалась в целом на ненаучных основах, она не могла правильно решить вопроса об источниках общественного развития и происхождении идей. Домарксистские философские учения, даже будучи материалистическими в объяснении отношения мышления к бытию в природе, оставались на идеалистических позициях при рассмотрении явлений социальной жизни. Они объясняли общество, его структуру, общественные отношения, процессы изменения экономических, политических и других порядков из идей, господствовавших в тот или иной период в данной стране. Не материальные условия существования общества, а именно идеи или совокупность идей принимались ими за основу и источник общественного развития. Это идеалистическое понимание истории господствовало во всех домарксовских общественных теориях и господствует в теоретических построениях современных буржуазных философов, социологов и т. д. Такое сознание в принципе является ложным, потому что оно дает извращенную, «перевернутую» картину общественных отношений.

Имея в виду именно это обстоятельство, основоположники марксизма во многих своих произведениях употребляли само понятие идеологии наряду с тем значением, о котором мы уже говорили в предыдущем параграфе, также и в смысле ложного, извращенного сознания. Сами термины «идеология», «идеологический» означают зачастую у Маркса и Энгельса научную

несостоятельность теоретических построений, основанных на «выведении действительности не из нее самой, а из представления». [1, т. 20, стр. 97].

В подготовительных работах к «Анти-Дюрингу» Энгельс писал, что результаты исследования мира могут быть получены лишь в конце этого исследования. «Идеологии» же превращают эти итоги в исходные позиции. «Конструировать эти результаты в уме, исходить из них как из основы и затем в уме реконструировать из них мир — это и есть *идеология*, та идеология, которой до сих пор страдали и все разновидности материализма. Хотя для него, конечно, было до некоторой степени ясно отношение мышления к бытию в *природе*, но неясно было это отношение в истории, он не понимал зависимости мышления во всяком данном случае от исторических материальных условий» [1, т. 20, стр. 630].

Вместе с тем существуют и другие аспекты ложного сознания, которые также детерминируются положением господствующего эксплуататорского класса в системе общественных отношений. Рассмотрим один такой аспект. Речь идет об изображении части в качестве целого, особенного в качестве всеобщего, частного интереса в качестве общенародного или общенационального интереса. Так, зачастую часть действительности, получившая отражение в идеологии господствующего класса, выдается этой идеологией за картину всей действительности, а особые интересы эксплуататорского класса приобретают видимость общего интереса. В то же время интересы эксплуатируемого класса изображаются как нечто такое, что находится в полном противоречии с общественными, национальными интересами.

Правда, в некоторых случаях такое отождествление имеет свое историческое обоснование и реальную основу. Это периоды подготовки и проведения буржуазно-демократических революций, периоды национально-освободительных движений и др. В этих случаях определенный класс, являющийся инициатором борьбы, представляет интересы всего общества. «Класс, совершающий революцию... — указывали основоположники марксизма, — с самого начала выступает не как класс, а как представитель всего общества; он фигурирует в виде всей массы общества в противовес единственному господствующему классу. Происходит это оттого, что вначале его интерес действительно еще связан более или менее с общим интересом всех остальных, негосподствующих классов, не успев еще под давлением отношений, существовавших до тех пор, развиться в особый интерес особого класса» [1, т. 3, стр. 47]. Однако для идеологии эксплуататорских классов характерно то, что и после их прихода к власти, т. е. когда их особый интерес уже отделился от общего интереса и даже противостоит ему как непримиримый антагонист, эта идеоло-

гия продолжает изображать частные интересы господствующего класса в качестве общенародных, общечеловеческих. Так, господствующая идеология вступает и в данном пункте в конфликт с действительностью, искажает ее. Она становится «ложным сознанием» в том смысле, что выступает как «извращенная форма, в которой ханжеская и лицемерная идеология буржуа выдает свои особые интересы за всеобщие интересы...» [1, т. 3, стр. 167].

Буржуазная идеология, т. е. видение мира сквозь призму интересов господствующей буржуазии, есть в принципе ложное сознание. Именно это имели в виду Маркс и Энгельс, когда писали, что «во всей идеологии люди и их отношения оказываются поставленными на голову, словно в камере-обскуре...» [1, т. 3, стр. 25].

Квалифицируя идеологию как перевернутое с ног на голову отражение действительности, Маркс и Энгельс выступали, таким образом, против различных форм буржуазной и мелкобуржуазной идеологии. Необходимо подчеркнуть, что анализ социальной обусловленности ложной идеологии, проведенный основоположниками марксизма, имеет важнейшее методологическое значение для разоблачения современных буржуазных идеологических доктрин.

Однако иллюзорность идеологического отражения действительности не присуща человеческому мышлению как таковому. Она связана с определенными этапами развития общества и детерминирована в этих условиях широким кругом социально-исторических и классовых факторов, среди которых важнейшую роль играет существование классово-антагонистических отношений, отделение умственного труда от физического и возникновение на этой основе иллюзии независимости сознания людей от материальных условий их жизнедеятельности. Но отсюда следует, что уничтожение этих факторов является условием ликвидации той формы идеологии, которая дает извращенное отражение действительности. Именно это обстоятельство имели в виду Маркс и Энгельс, когда ставили вопрос о «конце всей идеологии», т. е. конце классово обусловленного ложного сознания. Энгельс писал, что, «раз возникнув, всякая идеология развивается в связи со всей совокупностью существующих представлений, подвергая их дальнейшей переработке. Иначе она не была бы идеологией, то есть не имела бы дела с мыслями как с самостоятельными сущностями, которые обладают независимым развитием и подчиняются только своим собственным законам. Тот факт, что материальные условия жизни людей, в головах которых совершается этот мыслительный процесс, в конечном счете определяют собой его ход, остается неизбежно у этих людей неосознанным, ибо иначе пришел бы конец всей идеологии» [1, т. 21, стр. 313].

Историческое развитие общества с неизбежностью приходит к такому этапу, когда ликвидируется тот социальный строй, который своими отношениями детерминирует извращенное сознание, отображающее реальный мир как в камере-обскуре. Тем самым создаются условия для замены иллюзорного идеологического мышления научной идеологией.

Следовательно, согласно Марксу и Энгельсу, различные формы буржуазной, мелкобуржуазной и всякой иной извращенной идеологии исторически обречены подобно тому, как исторически обречены общественные отношения, духовным отражением которых она является. Этот процесс основоположники научного коммунизма и обозначали термином «конец идеологии», понимая под ним прежде всего конец буржуазного фетишистского сознания.

Мы остановились на этом вопросе несколько подробнее потому, что он является объектом всевозможных извращений и фальсификаций как со стороны современных буржуазных идеологов, так и правосоциалистических и ревизионистских теоретиков. Как будет показано ниже, все они, во-первых, искажают существо взглядов Маркса и Энгельса на проблему идеологии, изображают дело так, будто для основоположников марксизма любое классовое сознание является ложным. Во-вторых, они пытаются применить тезис о «конце идеологии» к самому марксизму-ленинизму и таким образом как бы «взорвать» научную идеологию рабочего класса изнутри, дискредитировать революционное учение научного социализма. И при этом они еще хотят представить себя «истинными продолжателями» классической марксистской традиции. Создается прямо-таки парадоксальная ситуация: те, кто являются наиболее ярыми противниками основных положений и выводов марксизма, пытаются изобразить себя представителями «подлинного», «недогматического» марксизма. Впрочем, буржуазные идеологи остаются верными себе — переворачивание действительных отношений с ног на голову—это, как показали еще Маркс и Энгельс, их основной метод при конструировании теоретических концепций.

АНТИКОММУНИЗМ ПОД ФЛАГОМ «АНТИИДЕОЛОГИИ»

Теоретики «деидеологизации» стремятся создать впечатление, будто они выступают против ложного, иллюзорного сознания, придавая этим своим выступлениям форму критики любой идеологии, идеологического сознания вообще. Эта внешняя оболочка теории «конца идеологического века», кстати сказать, широко подхваченная буржуазной пропагандой, предназначена как раз для «массового» потребления, для вве-

дения в заблуждение широких трудящихся масс. Внимательное изучение этой теории показывает, что суть ее заключается совсем в другом.

Белл, Липсет, Арон и другие теоретики «деидеологизации» достаточно осмотрительны при формулировании своих тезисов. Однако одно несомненно — «конец идеологии» у них вовсе не означает, что уже больше не существует никакой идеологии, что любая идеология уже устарела и изжила себя. С их точки зрения, тема «заката идеологии» неприменима к странам Африки, Азии, Латинской Америки. Большинство из них еще только начинает осуществлять индустриализацию своего хозяйства и модернизацию своих социальных структур, поэтому здесь неизбежно возникновение различных идеологических систем, идеологическая борьба. Во всех этих районах «конец идеологии» наступит тогда, когда страны окончательно решат свои экономические, политические и другие фундаментальные социальные проблемы.

С точки зрения Белла, Липсета, Арона и других буржуазных социологов, о «закате идеологии» можно говорить лишь имея в виду определенную группу стран, в которых утверждается так называемое развитое «индустриальное» или «постиндустриальное» общество. В таком обществе под влиянием некоторых изменений производственно-технологического, социально-политического, административно-управленческого и научно-технического порядка наблюдается «закат старых идеологий». Но и здесь это не означает отмирания всякой идеологии или отсутствия каких-либо политических и идеологических различий. Например, Липсет говорит: «Политическое согласие западного общества ныне во все возрастающей степени приводит к единому общему взгляду на проблемы, которые когда-то резко отделяли левых от правых. И это идеологическое согласие, которое лучше всего можно назвать «консервативным социализмом», само становится идеологией большинства партий в развитых государствах Европы и Америки» [8, стр. 296].

Что же в таком случае означает конкретно этот, скорее журналистский, чем научный, термин «конец идеологии»? Внимательное чтение источников позволяет сделать вывод, что его создатели вкладывают в него такой смысл:

1) В развитом «индустриальном обществе» получает небывалое развитие наука, в том числе социальная, которая вторгается буквально во все сферы общественной жизни. Рост экономических, социологических и других эмпирических исследований ведет к тому, что «сфера идеологии сокращается», тогда как «сфера научного социального знания расширяется». Некоторые теоретики «деидеологизации», например американский социолог Р. Лейн, прямо пытаются доказывать, что развитое «индустриальное общество» является в то же время,

так сказать, «разумным обществом», «обществом, насыщенным знаниями» [10, стр. 649]. В таком обществе эмпирические исследования с очевидностью доказывают ложность идеологических конструкций. У людей все более крепнет убеждение, что источником истины может служить не идеология, а эмпирическая социальная наука. Наука опровергает идеологию.

2) Идеология перестает быть руководством в практически-политической деятельности социальных групп, классов, государства, монополистических объединений. «Идеология, бывшая когда-то руководством к действию, пришла к своей гибели», — утверждает Белл [5, стр. 370]. Отныне мотиватором социальной деятельности становится общественная наука, точное эмпирически верифицируемое знание, которое получают эксперты, специалисты по тем или иным конкретным проблемам. «Вторжение научных критериев и научного знания в сферу практической политики» (Р. Лейн) ведет к тому, что общественные проблемы рассматриваются не с идеологических, классовых позиций, а с точки зрения непосредственной практической целесообразности.

3) Период ожесточенной идеологической борьбы между традиционно «левыми» и правыми силами западного общества сменяется периодом «политического и классового согласия» между ними. Различные классы рассматривают ныне друг друга не как врагов, а как равноправных партнеров: «В западном мире, — пишет Белл, — среди интеллектуалов существует сегодня почти полное единодушие по политическим вопросам... В этом смысле век идеологии также кончился» [5, стр. 373].

Нельзя, конечно, не видеть того, что в этих построениях теоретиков «деидеологизации» в искаженной форме отразились некоторые реальные явления и процессы современного буржуазного мира. В этой связи хотелось бы прежде всего указать на кризис современной буржуазной идеологии, которая все больше дискредитирует себя в глазах широких трудящихся масс. Углубляющийся антагонизм между господствующей идеологией буржуазного общества и интересами трудящихся вынуждает многих теоретиков на Западе приспосабливаться к ситуации и преподносить откровенно буржуазные концепции и доктрины под флагом отрицания их классового характера, в форме общечеловеческих, «неидеологических» доктрин. Кризис буржуазной идеологии изображается как «закат идеологической эры».

Несомненно также, что совершающаяся научно-техническая революция вносит существенные изменения в характер общественных процессов. В огромной степени возрастает количество информации, сокращаются сроки ее переработки и использования. Широко известно, например, что в мире каждые примерно 8—10 лет происходит удвоение количества уче-

ных, занятых исследовательской деятельностью. Буквально все стороны общественной жизни подвергаются исследованию эмпирическими методами, что ведет к небывалому росту эмпирического, экспериментального материала, эмпирических знаний о тех или иных конкретных сферах социального организма. И эта информация широко используется в практической деятельности корпораций, правительств, политических партий и т. д.

В теории «заката идеологии» нашел также отражение и тот факт, что современная правая социал-демократия по сути дела порвала с идеологией революционного преобразования капиталистического общества, отказалась от целей социалистического переустройства общества и тем самым встала под знамена буржуазной идеологии. Поэтому «резкого идеологического конфликта» между буржуазными и правосоциалистическими идеологами нет.

Эти и другие изменения экономического, политического и научного порядка действительно имеют место в капиталистических странах. Без сомнения, они вносят некоторые новые особенности в процесс формирования буржуазных идеологических доктрин, в процесс функционирования идеологий на современном этапе.

Однако означают ли они, что наступил «конец идеологического века», что мы являемся свидетелями «заката идеологии»? Необходимо со всей решительностью подчеркнуть, что глашатаи «деидеологизации» своими теоретическими построениями затуманивают действительный смысл происходящих процессов. Они стремятся всячески затушевать тот несомненный факт, что современный капитализм создал огромный идеологический и пропагандистский механизм для манипулирования сознанием трудящихся, что идеологическое и психологическое давление и принуждение становятся важнейшей функцией буржуазного государства, что государственно-монополистический капитал постоянно обостряет идеологическую борьбу против социалистических стран, международного коммунистического и рабочего движения и даже финансирует различного рода идеологические диверсии. Поэтому утверждения о «закате идеологии» как эмпирическом факте совершенно не соответствуют действительности и способствуют идейной дезориентации, столь выгодной господствующему классу.

Более того, тезис о «конце идеологической эры» опровергается всем содержанием и внутренней логикой теории «деидеологизации». В самом деле, эта теория является не «антиидеологической», как ее хотят представить, а просто-напросто антикоммунистической. Ее создатели ставят акцент прежде всего на теоретическом обосновании необходимости борьбы против коммунизма. Во всех их рассуждениях господствует идея о том, что «закат идеологии» есть прежде всего закат

марксистско-ленинского учения, есть упадок коммунистической идеологии и в социалистических, и в капиталистических странах. Через все сочинения провозвестников «конца идеологической эры» красной нитью проходит мысль, будто марксизм-ленинизм устарел и «опровергается» как современной социальной наукой, так и современной социальной практикой. Не случайно американский публицист И. Кристол пишет, что «под выражением «конец идеологии» мистер Белл понимает прежде всего крах социалистического идеала» [14, стр. 113].

Таким образом, теоретики «заката идеологии», изображая научную идеологию рабочего класса устаревшей, заняты поисками средств укрепления буржуазной идеологии.

Рассмотрим теперь несостоятельность теоретических построений о «конце идеологии» более подробно.

НАУКА, ИСТИНА И ИДЕОЛОГИЯ

В теоретическом плане концепция «заката идеологии» основывается, в сущности, на том представлении, будто любая идеология есть не что иное, как ложное сознание, будто любая идеология всегда и при всех условиях тождественна субъективизму и произволу, которые с необходимостью проявляются и в сфере общественно-политической деятельности, и в сфере социального познания. Отсюда буржуазные ученые делают вывод об абсолютной противоположности социальной науки и идеологии в гносеологическом плане. Идеология, говорят они, не содержит и принципиально не может содержать в себе истину. Объективное знание действительности доступно лишь науке, а не идеологии.

Нужно сказать, что изображение всякой идеологии как ложного сознания и обоснование иллюзий о «чистой», «неидеологической» социальной науке, «науке для науки» — всегда было одной из характерных черт философского и социологического позитивизма и неопозитивизма.

Теория «заката идеологии» выросла на этом позитивистском фундаменте буржуазной общественной мысли. Ее авторы в значительной степени используют аргументацию, оставленную им их идейными предшественниками, и приспособляют к условиям современной идеологической борьбы с целью опорочить великое жизнеутверждающее учение марксизма-ленинизма.

Поэтому рассмотрим подробнее эту теоретическую основу концепции «заката идеологии».

Истина и классовые интересы

Аргументация буржуазных ученых относительно противоположности идеологии и социальной науки идет по нескольким направлениям. Конечно, в данной брошюре мы не можем критически проанализировать их все. Возьмем для примера лишь два наиболее типичных и наиболее распространенных в западной немарксистской философской и социологической литературе.

Первое пытается доказывать противоположность науки и идеологии, исходя из того, что объективное знание несовместимо с классовыми интересами. С этой точки зрения объективная социальная наука может существовать лишь как «надклассовая», «надпартийная» наука, не связанная ни с какими социальными классовыми интересами. Если же наука оказывается связанной с таковыми интересами, она теряет свою объективность. Идеология же потому и представляет собой ложное сознание, что она неотделима от классовой заинтересованности. Она есть сознание данного класса, данной социальной группы и не может содержать в себе объективной истины, приемлемой для всех.

Разумеется, такая позиция исходит из некоторых реальных фактов и явлений, например классового характера идеологий, различий в социальной детерминации науки и идеологии. Конечно, идеологические доктрины бывают субъективистскими, а иногда и откровенно узкокорыстными. Но в целом эта позиция неприемлема, вследствие абстрактно-формального подхода: она рассматривает любую идеологию лишь как форму сознания, безотносительно к ее содержанию. Наличие связи идеологии с классовыми интересами буржуазные теоретики объявляют уже причиной идеологического субъективизма.

Большую роль в обосновании этого взгляда сыграл известный немецкий социолог К. Маннгейм (1843—1947 гг.). После появления его работ по так называемой «социологии познания» прямо-таки господствующим в буржуазной социологии стало стремление к непосредственному отождествлению всякой идеологии с ложным сознанием. Признавая классовый, партийный характер всякой идеологии, Маннгейм делал отсюда необоснованный вывод, что идеология всегда субъективна, всегда искажает подлинное знание о предмете. С помощью такой интерпретации понятия идеологии он пытался доказывать, будто марксизм является очередным идеологическим учением в ряду других идеологий, т. е. будто научный социализм вовсе не является наукой.

Истинное знание социальной действительности, согласно Маннгейму, может быть получено лишь наукой, которая объективна в силу своей надклассовости, своей беспартийности, которая не связана ни с какими социальными классами или с социально-классовыми интересами. Такая «чистая наука», доказывал он, может создаваться только особым слоем интеллигенции, своего рода интеллектуальной элитой, не принадлежащей ни к какому классу.

Как видим, эта концепция Маннгейма крайне противоречива. Он постулирует стремление к объективному социальному знанию, но он не видит реальных путей его достижения. Формально-абстрактный подход здесь проявляется в том, что для Маннгейма любая классовая точка зрения является односторонней, ненаучной. Без сомнения, его критика идеологического сознания была отчасти обусловлена неприязнью к сформировавшейся

в те годы фашистской идеологии (после прихода к власти в Германии нацистов Маннгейм был вынужден эмигрировать в Англию). Однако объективно его учение оставалось в рамках буржуазно-либеральной реакции на марксистское понимание роли идеологии в жизни общества. Маннгейм претендовал прежде всего на то, что его учение якобы преодолевало «узость» марксистской теории познания общественных явлений. Поэтому оно было направлено на дискредитацию научного социализма в целом.

Не случайно новейшие теоретики «конца идеологической эры» в значительной степени используют маннгеймовское доказательство о ложности всякой идеологии. Как совершенно справедливо заметил недавно американский социолог Д. Ла Паломбара, при разборе почти каждого аргумента, выдвинутого Д. Беллом, С. Липсетом и другими, приходится вступать в спор с Маннгеймом, потому что все эти аргументы уже содержатся в его концепции [12, стр. 13].

Легко заметить, что в концепции К. Маннгейма и других буржуазных социологов смешиваются два вопроса: вопрос о классовой обусловленности той или иной идеологии и вопрос об объективности отражения ею соответствующих общественных условий. Эти вопросы нельзя ни противопоставлять друг другу, ни смешивать, ибо они находятся в диалектическом единстве. Любая идеология находится в неразрывной связи с интересами класса или социальной группы. Однако это вовсе не означает, что социальная действительность отражается в идеологии обязательно искаженно, неправильно. Дело заключается не в наличии самого интереса, а в его характере, его сущности. Интересы передовых, революционных классов в основе своей совпадают с интересами прогрессивного развития общества. А это включает в себе возможность создания представителями этих классов такой идеологии, которая объективно отражает общественное бытие. Вместе с тем не всякий классовый интерес способствует движению общества вперед, разрешению общественных противоречий и проблем, не все классы и не всегда заинтересованы в здоровом прогрессе производительных сил, науки и культуры, ибо такой прогресс угрожает самому их существованию. Так возникает идеология, дающая ложное, превратное представление о мире, всецело подчиненная корыстным интересам отживающих реакционных классов.

Когда интересы развития буржуазии соответствовали интересам развития общества, когда она была передовым, революционным классом, носителем прогресса, ее идеология содержала элементы объективной истины. В дальнейшем, с превращением буржуазии в силу, тормозящую прогресс общества, с углублением противоречий капиталистического строя, с выходом на мировую историческую арену рабочего класса, буржуазная идеология становится все более корыстной, апологетичной и реакционной.

Поэтому из того факта, что многие идеологические системы несовместимы с объективной истиной, нельзя делать обобщающего вывода, будто любая идеология представляет собой

ложное сознание. Идеологии могут быть объективными и узкокорыстными, адекватно отражающими реальность и искажающими, фальсифицирующими ее. Следовательно, когда при определении характера идеологии берется частный случай, но изображается как всеобщая характеристика любой идеологии, то такой метод не может быть признан научным.

Как известно, марксистско-ленинское учение является научной идеологией рабочего класса, коренные интересы которого совпадают с интересами прогрессивного развития человечества. Освобождая себя, пролетариат освобождает все человечество. В этом и заложена возможность создания такой идеологии, классовое происхождение которой не противоречит ее объективности, научности. Более того, только пролетарская, коммунистическая партийность создает основу подлинной научности, ибо она совмещает рассмотрение исторического процесса во всей его целостности и внутренней противоречивости, исключает односторонность, подмену действительного желаемым.

Объективность социального познания не может быть достигнута посредством конструирования точки зрения, которая стоит над всеми классовыми точками зрения. Такая позиция неминуемо ведет к тому, что принимается — сознательно или несознательно — точка зрения господствующего класса. Подлинная возможность объективности социального познания достигается лишь с сознательным принятием точки зрения того класса, который является наиболее прогрессивным, который заинтересован в полном уничтожении всяких форм эксплуатации человека человеком. Объективное знание может быть получено не на основе отрешенности от любых социально-классовых интересов, но лишь на основе заинтересованности в прогрессивном поступательном развитии общества.

Познание и оценка

Второе направление, в целом тесно связанное с первым, подходит к обоснованию противоположности социальной науки и идеологии, исходя из того, будто наука содержит лишь описание действительности, тогда как идеология — ее оценку.

С этой точки зрения противоположность науки и идеологии состоит якобы в том, что первая описывает и объясняет то, что есть, тогда как вторая содержит в себе ценностное отношение к действительности, ее оценку. Описание и оценка изображаются абсолютно несовместимыми понятиями, поскольку описание может быть объективным, а оценка всегда субъективна. Аргументируется это при помощи резкого разграничения и даже противопоставления двух видов суждений, один из которых квалифицируются как научные, другие как ценностные. Научные суждения — это суждения о фактах, которые поддаются эмпирической проверке, верификации. Эти суждения объективны, т. е. имеют равную научную силу для любого исследователя. Ценностные суждения, хотя и могут основываться на фактах, ставят во главу угла субъективное отношение (моральное, по-

литическое, эстетическое, религиозное и т. д.) к этим фактам. Таковы суждения о должном и не должном, желательном и нежелательном, правильном и неправильном и т. д. Система первых составляет основу науки. Ценностные же суждения, поскольку они субъективны и выражают определенные социально-классовые интересы, составляют основу идеологии. Объективная социальная наука «освобождается» от идеологии в результате отказа от ценностных суждений, ценностных понятий, от оценок.

Следствием подобной точки зрения является так называемый принцип «свободы от ценностей», который еще в начале нашего века выдвинули известные буржуазные социологи М. Вебер (1864—1920 гг.) и Э. Дюркгейм (1858—1917 гг.). На протяжении последних десятилетий принцип этот несколько варьировался, видоизменялся и сейчас имеет чрезвычайно широкое распространение в буржуазной общественной науке.

Суть его заключается в том, что социальная наука, в частности социология, рассматривается наподобие естественных и технических наук как «свободная от ценностей», политически и идеологически нейтральная дисциплина. Социолог предоставляет результаты своих исследований и рекомендации заказчикам и не вмешивается в сферу их применения. Социолог как «эксперт» несет ответственность лишь за результативность предлагаемых мероприятий. Как ученый он не высказывает ценностных суждений и стоит вне политики, он «делает свою работу» так же, как агроном, врач, инженер.

Нельзя не видеть, что подобные методологические установки имеют двойственный характер. С одной стороны, в них в какой-то степени отражается стремление к повышению уровня объективности и результативности социального познания. В определенной мере этому способствует применение в ней точных естественнонаучных, в частности математических, методов. Точно так же устойчивость против ходячих обыденных представлений, а иногда даже и политического давления буржуазного государства обеспечивает основу для более прочного знания об обществе. С другой стороны, специфика социального познания по сравнению с естественнонаучным заключается, в частности, в том, что оно не может не содержать в явной или скрытой форме оценки общественного бытия. Поэтому любые попытки построить методологию, которая бы исключала ценностное отношение к исследуемым общественным процессам, обречены на неудачу.

Безусловно, между суждениями о фактах и ценностными суждениями существует определенное различие, поскольку предполагается, что в первых ставится акцент на констатации фактов действительности, а во вторых — на оценке этих фактов (или отношении к ним) со стороны познающего субъекта. В таком виде разграничение между ними способствует лучшему пониманию хода социологического исследования и может предотвратить подмену изучения конкретной реальности субъективными оценками, подмену действительного желаемым и т. д. Но также безусловно и то, что эти суждения нельзя отделять непроходимой гранью одно от другого, рассматривать их как несовместимые противоположности. В сфере социологии лишь в ограниченном смысле можно говорить о наличии, так сказать, «чистых» суждений о фактах, к которым

бы не примешивалось то или иное ценностное отношение (политическое, идеологическое, моральное и т. д.) познающего субъекта. Сфера социального знания, где констатация факта не затрагивает прямо или косвенно интересов классов, групп или даже отдельных индивидуумов, весьма узка. Обобщающие формулировки (о законах общественного развития, его тенденциях, проблемах, встающих перед классами) вообще невозможны без ценностного отношения к ним со стороны субъекта. Например, суждение «Империализм есть высшая и последняя стадия капитализма» представляет собой одновременно и фактическое и ценностное суждение.

Еще более явное переплетение фактических и ценностных элементов мы обнаружим, если будем рассматривать не отдельно взятые суждения, а их систему. Так, в работе В. И. Ленина «Империализм, как высшая стадия капитализма» мы находим строго научный, объективный анализ фактического положения дел и оценку его с точки зрения интересов международного пролетариата.

Поэтому нет и не может быть неценностной социологии. Методология, которая выдвигает лишь эмпирическое описание действительности в качестве единственной цели социальной науки, накладывает тем самым вето на поиск кардинальных общественных проблем, ибо ни одна такая проблема не может быть сформулирована только при помощи суждений о фактах.

Следовательно, сущность проблемы о соотношении науки и идеологии заключается не в том, что наука якобы не дает оценки действительности. Как мы видели, и социальная наука, и идеология содержат в явной или неявной форме оценку, ценностное отношение к отображаемым процессам. Дело в том, что сами оценки могут быть субъективными и объективными, а это зависит от того, с точки зрения какого класса или социальной группы они делаются. В общем виде можно сказать, что оценки, делаемые с точки зрения реакционных, препятствующих прогрессу, тем более паразитических классов, не могут быть объективными. Они всегда субъективны, ибо выражают узкокорыстные интересы. Но точка зрения прогрессивного, революционного класса содержит в себе возможность объективной оценки, которая делается на основе тщательного изучения социальной реальности.

Так, например, оценка характера современной эпохи как эпохи перехода от капитализма к социализму во всемирном масштабе представляет собой строго научную объективную оценку действительных тенденций общественного развития. Но изображение современной эпохи как эпохи перехода к развитому «индустриальному обществу» (Р. Арон, С. Липсет), или «постиндустриальному» (Д. Белл), или «новому индустриальному» (Д. Гэлбрейт), или «техногронному обществу»

ву» (З. Бжезинский) есть субъективизм, абсолютизирующий некоторые частные реальные процессы и скрывающий более фундаментальные закономерности.

Социологическое знание и идеология

При рассмотрении вопроса о соотношении социальной науки и идеологии необходимо учитывать, что это соотношение не есть нечто неизменное, постоянное, раз и навсегда данное. Разные идеологические системы находятся в неодинаковом соотношении с социологией как наукой. Так, марксистско-ленинское учение, рассматриваемое как социальная наука, содержащее объективную истину, представляет собой в то же время научную идеологию рабочего класса. Современные буржуазные правые или ультраправые идеологические системы, хотя и могут использовать некоторые эмпирические данные, добытые наукой, в целом представляют полную ее противоположность в гносеологическом плане, т. е. объективной истины не содержат. Разные идеологии находятся в разном отношении к науке.

С другой стороны, социальная наука, в частности социология, всегда связана с той или иной идеологией. Социология, отделенная некоей абсолютной пропастью от идеологии, — это бессмыслица. Такой социологии в истории никогда не существовало и существовать не может. На наш взгляд, связь социологии и идеологии может носить и структурный, и функциональный характер. В структурном плане социология всегда включает в себя в явном или неявном виде определенные идеологические установки, системы ценностей и т. д. В функциональном плане социология всегда выполняет, по крайней мере некоторые идеологические функции.

Рассмотрим этот вопрос несколько подробнее на примере немарксистской социологии.

Как отмечается многими исследователями, отличительной чертой буржуазной социологии XX века является повышение ее практического значения в жизни общества, что связано с ростом эмпирических исследований. Социология наряду со своим очевидным прикладным значением есть одна из форм классового знания. Буржуазная эмпирическая социология стала орудием, с помощью которого господствующий класс приспособливает формы своего господства к современной общественно-политической ситуации.

Без сомнения, значительный рост эмпирических знаний об обществе, так сказать, «информационный взрыв» в области социологии, несет с собой определенные новые моменты.

Эмпирическая социология по своему составу может быть подразделена на следующие компоненты: 1) общетеоретические предпосылки (философские, политические, моральные

и т. д.); 2) конкретный фактический материал; 3) совокупность приемов, средств, способов, т. е. «техники» исследования; 4) частные обобщения, частные теоретические построения; 5) практические рекомендации для «заказчика». Совершенно очевидно, что различные компоненты имеют различный идеологический характер. Так, теоретические предпосылки (явные или неявные) обязательно несут идеологическую «нагрузку». В то время как другие компоненты, например «техника» исследования, сами по себе являются относительно свободными от идеологии, классовых интересов.

В то же время эмпирическая социология, взятая в совокупности своих составных элементов, выполняет идеологические функции. Прежде всего такая социология, состоящая на службе у буржуазного государства и монополистических корпораций, дает тип информации и ее ценностной интерпретации, который социально и идеологически детерминирован многими экономическими, политическими обстоятельствами. Она дает тип знания и такие рекомендации, в которых крайне заинтересованы определенные слои и группы общества (и далеко не всегда все общество). Во-вторых, практические задачи эмпирической социологии как прикладного знания, задачи, так сказать, «социальной инженерии», непосредственного применения ее рекомендаций в практической деятельности государства, корпораций, военных организаций и т. д. не могут не рассматриваться как современная идеологическая функция. Нельзя также не отметить и того, что эмпирическая социология зачастую является важнейшим орудием в деле манипулирования общественным и индивидуальным сознанием, средством дезинформации и даже обмана широких масс трудящихся.

Таким образом, абсолютное противопоставление идеологии и социальной науки, идеологии и эмпирической социологии лишено смысла и не выдерживает критики. Наука может опровергать ложные, буржуазные идеологические концепции и подтверждает основные выводы научной идеологии.

Этот анализ показывает, что теория «заката идеологической эры» неверна в своих основных исходных посылах. Ибо граница проходит не между идеологией и наукой, а между научной идеологией и идеологией как ложным сознанием.

ИДЕОЛОГИЯ И ПРАКТИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА

Теоретики «деидеологизации» придают важнейшее значение социологическому обоснованию тезиса о «закате идеологии» в наше время, рассматривая эту проблему на фоне современных общественно-политических событий. Поэтому затронем несколько подробнее их аргументацию в этом плане.

Классовая политика и классовая идеология

В развитом «индустриальном» обществе, под которым понимается государственно-монополистический капитализм, по мысли буржуазных социологов, создаются необходимые предпосылки для освобождения любой практической деятельности от идеологических мотивов. Идеология якобы перестает быть мотиватором поведения классов и социальных групп. Люди теперь руководствуются в своей практически-политической деятельности не идеологическими мотивами, а научным, объективным знанием сложившейся обстановки, которое доставляют эксперты, специалисты по конкретным социальным проблемам. Ныне в результате огромного увеличения числа конкретных социальных исследований, в первую очередь в США, а также и в западноевропейских странах среди политических деятелей и социальных ученых пробивает себе дорогу новая тенденция, заключающаяся в том, чтобы рассматривать возникающие в обществе проблемы не как идеологические, а как практические, технические, эмпирические, административные. «Технический подход» как наиболее соответствующий современному уровню развития общества и науки идет на смену «идеологическому подходу».

Шлезингер, например, пишет, что те, «кто верит в спасительность идеологий, приходят к плачевному последствию: к неправильной оценке конкретных мероприятий, возможных в данный момент» [11, стр. 535]. Отвергая «идеологический подход» как неуместный в современных условиях, Белл также выступает в пользу «технического подхода». «Тенденция превращать конкретные вопросы в идеологические проблемы неизбежно ведет к конфликтам, которые могут только нанести ущерб обществу» [5, стр. 110]. Индустриальное общество, говорит он в другом месте, «характеризуется «техническим подходом» к практической политике и познанию» [13, стр. 18].

С точки зрения Белла, Липсета, Шлезингера и других социологов, так называемый «идеологический подход» есть подход классовый, не основанный на точном знании конкретной ситуации. В нем преобладает моральная оценка. Он носит абстрактный характер. В противоположность ему «практический, технический подход» основан на эмпирическом знании конкретной ситуации, не носит классового характера, не содержит оценочных суждений. Современные общественные проблемы должны рассматриваться не в «идеологических терминах», а с точки зрения того, какие средства наиболее пригодны для достижения желаемого результата или поставленной цели.

Такой постановкой вопроса буржуазные социологи опять-таки создают путаницу. Утверждение, будто «технический подход» идет на смену идеологическому, основывается по крайней мере на двух принципиально неверных установках: 1) будто социальное эмпирическое знание есть полная противоположность идеологии; 2) будто в классовом обществе может существовать общественно значимая деятельность партий, групп, классов, которые не руководствуются при этом никакой идеологией. Первая из этих методологических оши-

бок была показана нами раньше. Поэтому рассмотрим неверную сущность второго положения.

Прежде всего, что значит — «идеология больше не является руководством в практической деятельности»? Конкретно это может означать лишь, что социально-классовые интересы (в том числе экономические, политические, нравственные и т. д.) перестали играть какую-либо роль в жизни людей. Может ли возникнуть такая ситуация — люди без интересов, без потребностей? Интересы, нужды, потребности людей в самом широком смысле являются внутренним импульсом, движущей силой практической деятельности. Классовый интерес есть не что иное, как основные задачи этого класса, вытекающие из его реального положения в системе данных общественных отношений. В связи с этим идеология выступает прежде всего как объективное или субъективное, верное или ошибочное отражение и осознание классами своих интересов. Она, следовательно, является формой проявления классовых интересов в сфере мысли.

Иначе говоря, постоянная реализация принципов идеологии, их «овеществление», «материализация» в практической деятельности класса является способом существования самой идеологии. Практически-политическая деятельность немыслима без идеологической ориентации, ибо становится бесцельной. В свою очередь, идеология немыслима вне сферы своего социального приложения.

В подтверждение тому можно привести множество примеров. Разве та политика урезывания прав рабочего класса на забастовки, которые пытается проводить нынешнее правительство консерваторов в Англии, не исходит из идеологических, т. е. классовых, мотивов монополистической буржуазии? Или разве все расширяющаяся война, ведущаяся американским империализмом в Юго-Восточной Азии, не преследует классовых экономических, политических и идеологических целей «властвующей элиты» США? Неужели можно всерьез говорить о том, что классовая идеология ныне перестала быть руководством в практической деятельности, не вводя в заблуждение широкие массы?

Стена, воздвигнутая Беллом и другими авторами между «идеологическим» и «техническим» подходами к общественным проблемам, является иллюзорной. При ближайшем рассмотрении оказывается, что так называемый «технический подход», якобы отбрасывающий в сторону всякие идеологические принципы и моральные нормы, согласуется именно с буржуазными принципами и нормами, является буржуазным классовым подходом. Он означает не что иное, как прагматическое приспособление к каждой складывающейся ситуации и искусство извлечения из нее максимальной выгоды.

Нельзя не видеть того, что теория «заката идеологии» является формой обоснования и оправдания в современных условиях узкокорыстного буржуазного практицизма. Отныне такой практицизм получает новое теоретическое подкрепление в виде ссылок на непригодность явных идеологических, политических и моральных оценок в процессе практической деятельности.

Сведение социальных проблем к «техническим» — управленческим, административным вопросам, т. е. их «деидеологизация» и «деполитизация» — становится все более распространенным методом в практической деятельности правящих кругов капиталистических стран. Это формы буржуазного субъективизма, которые скрывают классовый характер проблематики.

Покажем на конкретном примере, какой субъективизм скрывается за «техническим подходом». Как известно, серия убийств видных общественных и политических деятелей США (президент Д. Кеннеди, сенатор Р. Кеннеди, лидер негритянского движения М. Л. Кинг) облажили явный политический характер этих преступлений. Однако американское правосудие всячески пытается их «деполитизировать», изобразить как результат безответственных действий одиночек-фанатиков. Для подкрепления подобной версии игнорируются или умалчиваются многие важные факты и показания. Таким образом, «деполитизация» скрывает важнейшие политические и идеологические проблемы, стоящие за этими убийствами.

Утверждение о том, что «технический подход» идет на смену идеологическому, имеет в действительности тот смысл, будто в современном капиталистическом обществе не существует больше нерешенных кардинальных социальных проблем. А поэтому в развитых в промышленном отношении капиталистических странах, как утверждает Липсет, установилось «идеологическое и классовое согласие» [8, стр. 296]. Так субъективизм теории «деидеологизации» переходит в откровенную апологию буржуазного статус-кво.

Наступило ли «идеологическое согласие»?

Рассмотрим теперь утверждение, согласно которому якобы воцарившееся после второй мировой войны «классовое и идеологическое согласие» в развитых капиталистических странах означает «конец идеологии».

Прежде всего необходимо подчеркнуть общую несостоятельность постановки вопроса. Так, если в том или ином обществе наступает согласие между классами относительно основных общественных проблем, то это не тождественно утверждению, что там наблюдается «закат идеологии». Например, в социалистических странах марксистско-ленинская идеология играет все возрастающую роль, хотя здесь и существует полное согласие, дружба и сотрудничество между всеми классами и социальными группами.

Вместе с тем ни о каком «классовом согласии», «затухании» классовых конфликтов в антагонистическом буржуазном

обществе не может быть и речи. Все послевоенные годы, и особенно 60-е, характеризовались в действительности неуклонным подъемом классовой борьбы пролетариата против монополистической буржуазии. Этот подъем ироявляется, в частности, в росте мощных забастовок, которые охватывают целые отрасли во многих странах. Если в 1965 г. в развитых капиталистических странах бастовало 26 млн. человек, то в 1969 г. число забастовщиков составляло уже около 60 млн. человек, а за 10 месяцев 1970 г. — 63 млн. человек.

Непосредственными причинами выступлений трудящихся являются неудовлетворенность экономическими условиями существования, уровнем заработной платы, отрицательными последствиями научно-технической революции в условиях капитализма (интенсификация труда, рост безработицы и т. д.). Важно отметить, что экономическая борьба рабочего класса все теснее переплетается с его политическими требованиями. Классовые битвы последних лет, и особенно твердость, решимость, дисциплинированность пролетариата в схватках с монополистической буржуазией, имевшие место в 1968—1970 гг. во Франции, Италии, Англии и других странах, вновь продемонстрировали всему миру, что рабочий класс был и остается решающим фактором в борьбе против капиталистической системы, за замену ее социалистическим обществом.

«Сегодня, как и вчера, роль испытанного боевого авангарда революционных сил играет **международное рабочее движение**. События последнего пятилетия в капиталистическом мире в полной мере подтвердили значение рабочего класса, как главного и наиболее сильного противника власти монополий, как центра притяжения всех антимонаполистических сил», — говорил в Отчетном докладе XXIV съезду КПСС товарищ Л. И. Брежнев [4, стр. 20].

За последнее время заметно возросла активность других антимонаполистических сил современного буржуазного общества — мелкого и среднего крестьянства, интеллигенции, средних слоев города, молодежи и, в частности, студенчества. «Сближение интересов крестьянства, городских средних слоев и интеллигенции с интересами рабочего класса, их растущее сотрудничество ведут к сужению социальной базы власти монополий, обостряют ее внутренние противоречия и содействуют мобилизации широких масс на борьбу против монополий, империализма», — констатировало международное Совещание коммунистических и рабочих партий 1969 г. в Москве.

Спрашивается, на каком же основании теоретики «деидеологизации» утверждают о классовом и идеологическом согласии в капиталистических странах?

Дело в том, что всю сложность социальных конфликтов в современном буржуазном обществе они, в частности Липсет, сводят к взаимоотношениям между политическими партиями

(немарксистскими), их погоне за голосами избирателей, их борьбе за места в парламенте. Так, например, демократическая и республиканская партии в США если и конфликтуют, то конфликт этот заключается не в разных целях, а в сравнительно разных средствах для достижения одних и тех же целей.

Во многих западноевропейских странах в результате того, что правые лидеры социал-демократии приспосабливаются к экономическим, политическим и идеологическим требованиям крупного бизнеса, обнаруживается примерно такая же картина. Правая социал-демократия прикрывает свое предательство интересов рабочего класса лозунгом «деидеологизации», под которым подразумевается «освобождение от устаревшей марксистской модели социалистического общества», отказ от «партийной философии», переход к «деловой» политике, «лишенной идеологической односторонности», выражающей не узкоклассовые, а общенациональные интересы. В итоге многие социал-демократические и социалистические партии превратились, по существу, в «равноправных партнеров» буржуазных партий. Можно ли, например, серьезно считать партиями-антагонистами консерваторов и лейбористов в Англии, христианских демократов и правых социалистов в Италии и т. д., если брать не отдельные случаи или крайности, а господствующие политические тенденции в этих партиях? В целом «идеологическое единство» у них налицо.

Однако подтверждает ли такая ситуация выводы теоретиков «деидеологизации» о существовании «классового и политического согласия» и «затухании идеологических конфликтов» в западных капиталистических странах? Она подтверждает только то, что правые лидеры социал-демократии, предав интересы рабочего класса и трудящихся, отождествили себя с системой государственно-монополистического капитализма, встали под знамена буржуазной идеологии и политики. Действительно, между непосредственно буржуазными идеологами и политиками и правыми социал-демократами наступило согласие по основным проблемам современности; серьезного идеологического конфликта между ними нет.

Но сам этот факт является не показателем общего «умиротворения революционных страстей» и «классового согласия», а, наоборот, следствием резкого усиления и углубления непримиримых противоречий капиталистического общества, углубления социальных и классовых антагонизмов, следствием продолжающейся поляризации социальных и политических сил.

Следовательно, тезис о «конце идеологии» совершенно не соответствует объективным тенденциям развития современного общества.

ЕДИНСТВО НАУЧНОЙ И ИДЕОЛОГИЧЕСКОЙ СТОРОН МАРКСИЗМА И ЕГО «НИСПРОВЕРГАТЕЛИ»

Важнейшая характерная особенность марксистско-ленинского учения заключается в том, что оно одновременно является и наукой, и идеологией. Будучи социальной наукой, оно выполняет в то же время все идеологические функции. Историческая заслуга классиков марксизма-ленинизма в том и состоит, что они, создав подлинно объективную науку о законах общественного развития, рассматривали ее как научную идеологию рабочего класса, как руководство в революционной деятельности пролетариата и его союзников по низвержению капиталистического общества и построению социализма и коммунизма. Это единство научной и идеологической сторон марксизма-ленинизма достигнуто в результате теснейшей, органической связи исторического опыта борьбы рабочего класса и его научного обобщения в теории научного коммунизма. Это единство представляет собой неповторимую черту марксистско-ленинского учения, коренным образом отличающегося от всех других существовавших в истории общественных учений.

Вполне понятно, что именно это качество марксизма-ленинизма служит мишенью для различных нападок и фальсификаций со стороны новоявленных теоретиков «деидеологизации», ибо разрушить то единство, о котором мы говорили, значит разрушить весь марксизм-ленинизм. Поэтому их борьба против научного коммунизма строится не столько на фальсификации отдельных положений, сколько на извращении самой сущности коммунистической идеологии. Проблема идеологии оказывается не просто частной, конкретной проблемой в ряду других, но узловой для определения всего характера марксистско-ленинского учения. Метод рассуждений у теоретиков «деидеологизации» прост: они стремятся разорвать научную и идеологическую стороны этого учения, представить их как несовместимые противоположности.

Буржуазные фальсификаторы научной идеологии

Особенность современных буржуазных «ниспровергателей» научного коммунизма заключается в том, что они прежде всего замалчивают тот факт, что марксизм-ленинизм является объективной социальной наукой. Они хотят изобразить это революционное учение лишь как идеологическую конструкцию, по сути дела ничем не отличающуюся от других идеологических доктрин, существовавших в истории человечества.

Прежде всего, и это самое главное, буржуазные теоретики «деидеологизации» пытаются отрицать научный характер коммунистической идеологии. Для этого делается попытка «обо-

снова» то положение, будто учение научного коммунизма всего-навсего новая форма утопии и его вера в возможность коренного революционного преобразования социальной действительности основана на иллюзорных представлениях и заблуждениях.

В своих попытках дискредитировать марксизм-ленинизм в глазах широких трудящихся масс некоторые из авторов теории «конца идеологии» идут еще дальше. Так, Д. Белл тщетно пытается доказывать, что коммунистическая идеология представляет собой нечто вроде «светской религии» [5, стр. 376], т. е. совокупность застывших догм, которые принимаются людьми на веру. С его точки зрения, идеологические принципы и установки догматически формулируются раз и навсегда. В силу этого идеология, в сущности, не может эволюционировать, обогащаться новыми выводами и формулировками, отказываться от устаревших тезисов и положений. Вот в таком искаженном свете он хочет представить марксизм-ленинизм как идеологию. Разумеется, он не может совместить эту свою схему с действительным состоянием коммунистической идеологии и ее ролью в социалистических странах. Поэтому в его глазах любые творческие начинания в области философии, политической экономии, других общественных наук, в литературе и искусстве выглядят как процесс «деидеологизации», отрицания и исчезновения коммунистической идеологии. Под этот процесс Белл подгоняет буквально все: изменения, осуществляемые в СССР партией и правительством в экономической сфере, предоставление большей самостоятельности союзным республикам, областям и отдельным предприятиям, дискуссии в области философии, литературы, естественных наук, расширение научных и культурных связей между Советским Союзом и капиталистическими странами и т. д. По Беллу, все это означает отказ от марксистско-ленинского учения и «возврат к разным традициям... западной мысли» [14, стр. 32]. В итоге он приходит к такому выводу: «Идеология в Советском Союзе — и даже более того — во всех восточноевропейских странах полностью потеряла свою принудительную силу и способность убеждать, и в этой мере «конец идеологии» в коммунистическом мире хорошо виден» [14, стр. 45].

В действительности же никакой «деидеологизации» в Советском Союзе не происходит. Белл просто умалчивает, что марксистско-ленинское учение является одновременно и идеологией, и общественной наукой. Естественным и необходимым условием существования и развития марксизма-ленинизма является неразрывная связь с практикой социалистического и коммунистического строительства. Как и любая наука, он находится в состоянии постоянного внутреннего движения, обогащается новыми положениями и выводами, откликается на проблемы, которые ставит перед ним жизнь. Этот естественный научный процесс означает не «эрозию» марксизма, а как раз наоборот — его развитие и укрепление. Классики марксизма постоянно подчеркивали историческую необходимость творческого развития марксизма. В. И. Ленин писал: «Мы вовсе не смотрим на теорию Маркса как на нечто законченное и неприкосновенное; мы убеждены, напротив, что она положила только краеугольные камни той науки, которую социалисты *должны* двигать дальше во всех направлениях, если они не хотят отстать от жизни» [2, т. 4, стр. 184].

«Деидеологизация» стран социалистического содружества—это лишь сфера желаний антикоммунистов типа Белла. Все они стремятся «обосновать» идею о непричастности экономических и социальных достижений социалистических стран к марксистско-ленинской идеологии. Отсюда ими делаются выводы, будто социалистическая система вполне современна в области производства, науки, технологии, но «отстала» в области «духа». Если же, советуют они, мировой социализм отбросит свою коммунистическую идеологию («деидеологизируется»), то встанет в «уровень» с Западом.

Подобные рассуждения вместе с тем призваны оказывать идеологическое давление и на трудящихся капиталистических стран. Западному обывателю внушается мысль, что если уж в СССР и других социалистических странах «наблюдается» отказ от коммунистической идеологии, то в капиталистических странах тем более нет почвы для существования и развития марксизма. Идеи коммунизма, которые невозможно заключить в национальные границы, — вот что беспокоит современных буржуазных идеологов и против чего они направляют свои усилия.

Другой виднейший представитель теории «заката идеологии» Р. Арон также пытается построить свою «критику» марксизма-ленинизма путем разрыва его научной и идеологической сторон. Он, как и Белл, «не хочет замечать», что марксизм-ленинизм является социальной наукой, выполняющей идеологические функции. В своей книге «Опиум интеллигентов» Арон вынужден признать, что в капиталистических странах среди широких слоев населения, в частности среди интеллигенции, растут симпатии к социалистическим странам, международному коммунистическому и рабочему движению, что так же повсюду растет авторитет марксизма-ленинизма. Арон понимает, что симпатии эти имеют глубокие корни. И чтобы воспрепятствовать их дальнейшему развитию, необходимо обесценить идеи коммунизма.

Поэтому он пытается изобразить марксистско-ленинское учение не просто как идеологию, но как худший вид идеологии, «религию интеллигенции» [14, стр. 42]. Арон, естественно, ни слова не говорит, что марксизм-ленинизм — это прежде всего общественная наука, потому что тогда полностью разрушились бы все его усилия. Способ дискредитации коммунизма он видит в том, чтобы представить его как мифологическую концепцию, совокупность образов и мифов, воздействующих прежде всего на чувства и эмоции людей и побуждающих их к общественно-политическим действиям именно таким образом. Грубо извращая сущность марксистской теории, Арон стремится доказать, что коммунистическая идеология имеет в своей основе три мифа — «миф левизны», «миф революции» и «миф пролетариата» и, следовательно, несовместима с современным научным рационализмом.

Картина марксистского учения, нарисованная Ароном, не имеет ничего общего с настоящим, живым реально существ-

вующим учением научного коммунизма. Эта картина не содержит в себе ничего иного, кроме фальсификации и пропагандистских трюков, и еще раз свидетельствует, что антикоммунисты не гнушаются никакими приемами, чтобы попытаться предотвратить процесс дальнейшего распространения в массах идей марксизма-ленинизма. Разорвав марксизм как целое на две части, совершенно умолчав об одной из них, грубо извратив сущность второй, Арон тем самым демонстрирует, что его «критика» учения научного коммунизма не имеет ничего общего с объективным анализом и всецело подчинена реакционным политическим задачам.

Что может означать «деидеологизация» марксизма современным ревизионизмом?

Нужно сказать, что тезис о «конце идеологии» подхвачен и современными оппортунистами и ревизионистами.

«Деидеологизировать» марксизм, политику коммунистических партий требуют современные ревизионисты. С их точки зрения, учение Маркса, Энгельса, Ленина должно быть пересмотрено сквозь призму «конца идеологии». В результате одна за другой появляются новоявленные теории «моделей» марксизма и «моделей» социалистического общества, концепции «гуманного», «либерального» социализма, «социализма с человеческим лицом» и т. д.

У буржуазных теоретиков тема «деидеологизации» никогда не означала призыва к мирному сосуществованию буржуазной и коммунистической идеологий. Наоборот, они твердо стоят на позициях непримиримой борьбы с коммунистической идеологией. Ревизионистские же авторы пытаются истолковать «конец идеологии» как «сотрудничество» между различными идеологическими системами, которое открывает якобы «родственность» идей, общие ценности».

Основной мишенью нападок современного ревизионизма на творческий марксизм также является единство научной и идеологической сторон марксистско-ленинского учения. Как и буржуазные авторы, они стремятся разорвать это единство. Причем попытки эти идут по двум направлениям.

Первое направление под флагом борьбы за научность, объективность коммунистической идеологии в действительности стремится выхолостить из марксизма именно его научный характер. Так, французский ревизионист Р. Гароди в книге «За французскую модель социализма» (1968 г.) выступает против коренных принципов марксизма-ленинизма, проверенных жизнью. Его концепция различных «моделей социализма» — «советской», «французской», «китайской» и т. д. — перечеркивает научные критерии социалистического общества.

Конечно, исторические особенности каждой отдельной страны, проявляющиеся в уровне экономического развития, специфике и традициях политической жизни, идеологической атмосфере и т. д., накладывают и будут накладывать свой отпечаток на пути и методы социалистического пере-

устройства общества в этой стране. Не кто иной, как именно В. И. Ленин, подчеркивал своеобразие перехода различных стран к социализму, разработал вопрос о разнообразии политических форм переходного периода. Но при этом Ленин подчеркивал, что классовая сущность таких форм остается неизменной, т. е. диктатурой пролетариата.

Однако Гароди конструирует такие «модели социализма», которые коренным образом отличаются друг от друга по экономической и социально-политической структуре. Тем самым подрываются единые научные основы построения социалистического общества.

Эта концепция Гароди тесно связана с попытками обоснования так называемого «плюрального» марксизма, в котором бы основные фундаментальные идеи варьировались от страны к стране. Югославский философ П. Враницкий в тезисах, представленных XIV международному философскому конгрессу в Вене (1968 г.), стремился обосновать «необходимость» различных вариантов в марксистской философии. Он утверждал, что «нужно радикально отвергнуть точку зрения единственной марксистской философии или единой структуры этой философии и признать необходимость различных вариантов».

Однако такая постановка вопроса приводит к тому, что философия теряет почву научности. В самом деле, как можно совместить представление о том, что марксистское учение, и в частности философия, должно коренным образом изменять свое содержание и структуру в зависимости от региональных и национальных особенностей, с его научным характером. Любая наука может существовать лишь как единое интернациональное учение. Объективная истина не может зависеть от «территориального» признака.

Другое направление также идет под флагом борьбы за «настоящую» научность марксизма. Однако оно стремится прежде всего ликвидировать идеологические функции научного коммунизма, лишить его боевого классового, партийного характера, оторвать от практической борьбы современного рабочего класса, превратить в «чистую» профессорскую, академическую дисциплину. Представители этого направления, как, впрочем, и все ревизионисты, приспосабливаются к модным буржуазным философским и социологическим течениям и широко используют аргументацию из этих источников.

Так, известный австрийский ревизионист Э. Фишер, отрицая принципиальную разницу между буржуазной и коммунистической идеологиями, утверждает, что любая идеология — это не научное знание о мире, а «образ мира в фантастическом зеркале», «ложное сознание».

В своем стремлении «деидеологизировать» марксистско-ленинскую теорию Фишер заходит дальше буржуазно-либеральных профессоров, поскольку отрицает даже социально-классовую обусловленность общественных теорий. «Мы должны вернуться к простым категориям «истинного» и «ложного», поскольку не существует «буржуазных» или «пролетарских», «капиталистических» или «социалистических» результатов науки», — говорит он.

Фишер выступает на словах за строгую научность марк-

сизма. Однако противопоставление идеологии вообще и науки используется им для того, чтобы отрицать классовый характер научного коммунизма, его неразрывную связь с практической борьбой рабочего класса против капиталистического общества, за построение социалистического и коммунистического общества.

Наконец, Фишер прямо требует отделить «марксизм как науку» от практической революционной борьбы рабочего класса и его союзников, с одной стороны, и от «сковывающего влияния партийных организаций», т. е. от коммунистических и рабочих партий, с другой. «Идеи, когда они овладевают массами и становятся материальной силой, почти неизбежно «застывают» в идеологию», — утверждает он.

Следовательно, согласно Фишеру, марксистское учение не может быть идейным руководством «массового движения» и не может быть взято на вооружение крепкой в организационном отношении партией рабочего класса, иначе оно превратится неизбежно в идеологию, «фантастическое зеркало», «ложное сознание». Спрашивается, что же остается от марксистского учения после такой «деидеологизации»?

Марксизм-ленинизм представляет собой научную идеологию рабочего класса. А это, на наш взгляд, означает, коротко говоря, следующее.

Во-первых, научная идеология есть прежде всего система идей и теорий, являющаяся научным выражением интересов рабочего класса. Она представляет собой не что иное, как возведенные в степень научной общественной теории его коренные интересы, которые объективно совпадают с интересами прогрессивного развития человеческого общества. Такая идеология дает рабочему классу объективную картину развития общества, раскрывает его историческую роль в деле замены отжившей свой век капиталистической системы коммунистическим обществом, вооружает его конкретными способами и методами построения нового общества.

Во-вторых, научная идеология предполагает осознание своей социальной и классовой обусловленности, осознание своего классового содержания, отношения к другим идеологиям, классам, эпохам. Она несовместима с идеалистическими иллюзиями и претензиями на свое внеисторическое значение. Отсюда объективность рассмотрения действительности является первым и необходимым условием. Для марксиста исходным является не тот мир, каким его хотели бы видеть, а тот, который существует объективно. Не субъективные желания и мнения, а реальное положение вещей определяют познавательный интерес марксистской теории.

В-третьих, научная идеология не может быть совокупностью только теоретических положений. Она тесно связана с практической деятельностью, борьбой рабочего класса и его

союзников, всех трудящихся масс за свое освобождение, служит могучим средством революционного преобразования действительности.

Не случайно поэтому классики марксизма так остро ставили вопрос о соединении теории научного социализма с рабочим движением. В процессе развития, расширения и углубления этого движения происходит процесс развития и обогащения самой научной идеологии. Социальная практика рабочего класса в первую очередь становится критерием истинности марксистско-ленинской теории, правильности ее положений.

В-четвертых, научная идеология предполагает научный подход к проблемам ее собственного функционирования. Ее нельзя рассматривать ни как собрание таких положений и идей, которые разрешили все социальные проблемы, ни как систему злободневных лозунгов (политических, моральных и т. д.), которые в существенной степени быстро изменяются в зависимости от сложившейся конкретной ситуации. К проблеме развития научной идеологии нужно подходить с научными мерками и видеть постоянное внутреннее движение — обогащение новыми выводами и тезисами, отказ от устаревших положений. Научная идеология всегда носила и носит творческий характер.

В-пятых, носителем научной идеологии в целом не может быть аморфная группа «избранных интеллектуалов», к чему призывает Фишер. Им может быть организация, включающая как собственно теоретиков и организаторов рабочего движения, так и наиболее сознательную часть этого движения, т. е. коммунистическая или рабочая партия.

Любые попытки ревизионизма расчленив единство научной и идеологической сторон марксистско-ленинской теории, игнорировать одну из этих сторон неизбежно означают стремление ликвидации или по крайней мере дискредитации научного коммунизма. А именно эту цель преследуют буржуазные глашатаи «конца идеологического века».

СОЦИАЛЬНОЕ НАЗНАЧЕНИЕ ТЕОРИИ «ЗАКАТА ИДЕОЛОГИИ»

Важнейшей характерной особенностью теории «заката идеологии», определяющей ее социальный смысл, является то, что она возникла как буржуазная реакция на успехи коммунистического движения, достижения стран социалистического содружества и изменение соотношения сил в пользу социализма на мировой арене. Хотели того ее авторы или не хотели, но они со всей очевидностью отразили прежде всего страх господствующего класса перед лицом роста мирового революционного движения, страх, толкающий буржуазных теоре-

тиков на поиски путей опровержения исторической неизбежности социалистического преобразования общества.

Характерно при этом то, что творцы теории «заката идеологии» пытаются выдать свои откровенно идеологические построения за сугубо научную, объективную, лишенную каких-либо «идеологических наслоений» систему.

В действительности же предлагаемая ими программа «деидеологизации» есть программа, с одной стороны, борьбы против коммунистической идеологии, и с другой стороны, теоретической защиты и обоснования форм государственно-монополистического капитализма. Она является составной частью современной буржуазной идеологии. Теория «заката идеологии» есть идеология определенных группировок монополистической буржуазии и связанной с ними государственной и корпоративной бюрократии в условиях существования мощной социалистической мировой системы, углубления общего кризиса капитализма, подъема международного коммунистического и рабочего движения, краха колониальной системы империализма, развертывающейся научно-технической революции.

В поисках теоретической альтернативы марксизму

Теоретики «деидеологизации» и буржуазная пропаганда стремятся выдать доктрину «заката идеологии» в современную эпоху как альтернативу не только марксистско-ленинскому учению об идеологии, но и как альтернативу всему марксизму в целом, коммунистической идеологии как таковой.

Однако сразу нужно сказать, что в научно-теоретическом плане никакой действительной альтернативы здесь нет и быть не может, ибо эта теория не содержит в себе объективной картины мира и противоположна коренным интересам широких трудящихся масс, интересам прогрессивного общественного развития.

Вместе с тем было бы ошибкой преуменьшать значимость доктрин, подобных теории «заката идеологии» в современной идеологической борьбе, не видеть тех опасностей, которые исходят от создаваемых буржуазными авторами общетеоретических концепций. Именно поэтому еще В. И. Ленин подчеркивал, что марксисты «должны неустанно бороться против всякой буржуазной идеологии, в какие бы модные и блестящие мундиры она ни рядилась» [2, т. 6, стр. 269].

Основной смысл разбираемой теории заключается в доказательстве того тезиса, будто «деидеологизация» общества, его «освобождение» прежде всего от коммунистической идеологии является показателем социального прогресса, показателем современности.

В целом теоретики «конца идеологической эры» разграничивают два типа обществ. К первому типу они относят все то, что предшествует со-

временному «индустриализму», т. е. что предшествует по сути дела современному государственно-монополистическому капитализму. Такие «доиндустриальные» общества характеризуются, по их мнению, глубокой «нестабильностью» экономических и политических порядков. Они еще не решили своих основных социальных проблем, поэтому там наблюдаются постоянные массовые движения, классовые конфликты, социальные потрясения, революции, перевороты и т. д. По единодушному признанию буржуазных социологов, именно таким типом общества был капитализм прошлого века, капитализм «свободной конкуренции». Непрерывающаяся борьба между различными классами и социальными группами велась тогда, как говорит Белл, «не на жизнь, а на смерть». Она была единственным средством разрешения существовавших общественных конфликтов и противоречий.

Буржуазные социологи полагают, что именно это общество породило идеологии, и прежде всего коммунистическую идеологию. Белл, например, связывает возникновение идеологий с периодом усиленного развития промышленного капитализма и идейной борьбы во второй половине XVIII века — первой половине XIX века. Родоначальниками идеологий, по его мнению, были французские философы XVIII столетия. «Наиболее яркое выражение идеологии получили у левых гегельянцев, Фейербаха и Маркса» (5, стр. 370). Кульминационным пунктом в эволюции идеологий, по Беллу, было возникновение в период между двумя мировыми войнами крайних правых и крайних левых идеологических систем. Однако «период после окончания второй мировой войны принес новое понимание времени и социального изменения», — сказано в его докладе, представленном на VII всемирный социологический конгресс.

Теоретики «дендеологизации» стремятся изобразить идеологию и прежде всего марксистско-ленинское учение как некое кратковременное явление в истории общества, связанное со специфическими обстоятельствами экономического, технического и научного порядка. Идеологии возникают, согласно их представлениям, когда общества начинают «модернизироваться», начинают осуществлять индустриализацию, т. е. в условиях низкого уровня массового производства и массового потребления, классовых конфликтов, отсутствия (или крайней неразвитости) социальной науки, и в первую очередь у тех социальных групп, которые лишены политических, экономических и т. д. прав и стремятся теоретически обосновать свои «претензии».

Липсет стремится, например, изобразить этот тезис чуть ли не как всеобщий социологический закон: «Интенсивная идеологизация, резкий идеологический конфликт, — пишет он, — характерны для таких обществ, в которых вновь возникающие классы или группы, лишенные политических, социальных и экономических прав, борются за достижение этих прав; однако такой конфликт сходит на нет, когда эти классы добиваются полного гражданства» [9, стр. 17].

Конечно, нельзя возражать против того, что новые общественные классы вырабатывают свою собственную идеологию, идеологию, которая противостоит идеологии господствующего класса. Однако Липсет здесь делает акцент на другом. В капиталистических странах рабочий класс якобы уже добился всех «прав гражданства», он «интегрирован» в этом обществе и его следует рассматривать не как могильщика капитализма, а как «равноправного партнера» буржуазии. Поэтому отпадает необходимость в коммунистической идеологии, идеологии революционного преобразования общества.

Следовательно, тезис о «конце идеологии» означает в глазах его создателей невозможность и ненужность революцион-

ного преобразования капиталистического общества в общество социалистическое. Как говорит Р. Арон, «конец идеологической эры» означает «умиротворение революционных страстей». Социальные перемены в развитом «индустриальном обществе» осуществляются якобы не в результате классовой борьбы, а в рамках конкретных социальных и экономических программ, проводимых буржуазной правительственной администрацией при участии научных экспертов. Нельзя не согласиться в этой связи с французским социологом Н. Бирнбаумом, который пишет, что идея «конца идеологии» есть лишь «иное выражение идеи Карла Поппера о частичной социальной инженерии», якобы идущей на смену социальной революции [16, стр. 81].

На словах провозглашая себя противниками идеологии вообще, теоретики «деидеологизации» в действительности видят одного противника — революционное учение марксизма-ленинизма.

«Конец идеологии» и кризис буржуазной идеологии

Теория «заката идеологии» неразрывно связана с кризисом буржуазной философской и общественно-политической мысли в целом. И по своему происхождению, и по своей социальной сущности она является отражением бессилия буржуазной идеологии дать научные ответы на проблемы, волнующие ныне человечество. Как отмечается в Программе КПСС, буржуазные учения и школы «не смогли и не могут дать научного ответа на вопросы, выдвигаемые жизнью. Буржуазия уже не в состоянии выдвинуть идеи, которые могли бы увлечь за собою народные массы. Все больше людей в капиталистических странах порывают с буржуазным мировоззрением» [3, стр. 51].

Этот кризис имеет глубокие социальные, классовые корни. Это кризис идеологии того класса, который стал препятствием на пути прогрессивного исторического развития человечества, класса, который не имеет будущего. В конечном итоге кризис буржуазной идеологии отражает общий и все углубляющийся кризис капиталистической системы.

Известно, что буржуазная идеология как миропонимание стоящего у власти класса сложилась в ту эпоху, когда капитализм был господствующей социально-экономической формой на планете, когда он по сути дела беспрепятственно хозяйничал не только в европейских и северо-американских странах, но и на огромных колониальных и полуколониальных территориях. Следует добавить, что в целом это был капитализм свободной конкуренции. Вся совокупность буржуазных идеологических представлений как представителей господствующего класса сформировалась именно в этой социально-исторической обстановке.

Родившись под флагом борьбы против феодально-церковной идеологии, провозгласив лозунги свободы личности, равных прав каждого человека, буржуазная идеология в действительности была лишь специфическим выражением капиталистических товарных отношений, свободной конкуренции и соответствовавшей им совокупности социально-классовых и политических институтов. Выдавая буржуазные интересы за интересы всего общества, она содержала в себе такое противоречие, которое со временем развернулось в глубокий кризис буржуазного миропонимания в целом.

Глубокие социально-экономические и политические преобразования конца XIX и XX веков нанесли буржуазной идеологии решительный и непоправимый урон. Наиболее сильный и решительный удар по ней сделан международным коммунистическим и рабочим движением, руководствующимся в своей практической деятельности принципами марксистско-ленинской социальной науки. Возникло первое социалистическое государство, а затем образовалась и мировая социалистическая система. Сама практика строительства нового мира показала, что буржуазные представления об обществе, которые выдавались ее идеологами за вечные, единственные и естественные, были в действительности исторически преходящими и классово ограниченными.

Образование мирового социалистического содружества, подъем рабочего движения в капиталистических странах, распад колониальной системы империализма в значительной степени сузили социальную сферу функционирования буржуазной идеологии.

Некоторые важнейшие аспекты буржуазной идеологии связаны со структурными изменениями в самой капиталистической системе. По мере того как капитализм свободной конкуренции трансформировался в монополистический и государственно-монополистический капитализм, многие из традиционных идеологических установок потеряли свое значение и смысл, стали неприемлемыми в качестве руководящих принципов деятельности для самого класса буржуазии. Прежние представления относительно либерализма, индивидуализма, демократии, свободы и т. д. потеряли свою «способность убеждать».

Действительно, ныне гигантские государственно-монополистические корпорации безраздельно захватили господство в хозяйственной жизни капиталистических стран. Продолжающийся процесс концентрации и централизации капитала все более ведет к образованию так называемых сверхгигантов, многие из которых являются международными объединениями. Эра господства мелких и средних фирм ушла в далекое прошлое. Государственно-капиталистическая система свела до минимума область и значимость свободной конкуренции в

традиционном ее понимании. Капиталистическая экономика не может более существовать без вмешательства государства, которое осуществляется множеством различных способов. Возрастающая роль государства в экономической жизни — одна из наиболее характерных черт современного капитализма.

Таким образом, можно констатировать, что существенные аспекты кризиса буржуазной идеологии заключаются в кричащем противоречии между традиционными представлениями, идеалами и существующей ныне социальной действительностью, в ее неспособности дать в полной мере правильную ориентацию в практически-политической деятельности для самого господствующего класса, наконец, в ее неспособности не только завоевать, но и удержать симпатии трудящихся масс, в неспособности увлечь за собой широкие массы.

Однако этот кризис нельзя представлять упрощенно только лишь как механическое отступление. Буржуазия и ее идейные выразители в известной степени осознают этот кризис и пытаются разрешить его имеющимися средствами. В целом перед буржуазной идеологией ныне прежде всего встает задача создать теоретическую альтернативу марксистско-ленинскому учению, обосновать экономические и политические формы государственно-монополистического капитализма, выработать обновленные принципы политической и нравственной философии, приспособиться к требованиям совершающейся научно-технической революции, короче говоря — переформулировать некоторые установки буржуазного мировоззрения в целях активизации борьбы против коммунизма и усиления идеологического давления на широкие трудящиеся массы. Можно с полной уверенностью утверждать, что ныне буржуазная общественная мысль в значительной степени работает в этом направлении. На наш взгляд, именно в такой ситуации коренятся прежде всего причины возникновения новейших буржуазных экономических, социологических, философских концепций, в том числе и теории «деидеологизации».

В этой связи становится совершенно очевидным, что идеи западных социологов о «конце» века традиционных буржуазных представлений периода свободной конкуренции социально детерминированы идеологическими потребностями по крайней мере некоторых группировок господствующей элиты в развитых капиталистических странах. Правда, теоретики «деидеологизации» всячески стремятся скрыть этот факт. Белл, например, нарочито подчеркивает, что «конец идеологии» наблюдается в среде «западной радикальной интеллигенции», от имени которой он якобы и выступает. Однако эта «радикальная» интеллигенция лишь в очень немногих случаях выступала со своими собственными интересами на широкой общественной арене. Вся сущность теории «деидеологизации», ее внутренняя логика, ее социальный смысл говорят о том, что мы имеем дело не с взглядами лишь узкой группы интеллигенции, а со взглядами, выражающими некоторые существенные идеологические потребности государственно-монополистического капитала.

Когда буржуазные социологи провозглашают «конец» века некоторых традиционных буржуазных идеологических доктрин, то в принципе эти положения не приходится оспаривать. Суть вопроса заключается не в констатации этого факта, а в подходе к нему, в его оценке и в тех выводах, которые отсюда должны следовать.

Современный кризис буржуазной идеологии есть неизбежное проявление того непреложного факта, что сама она в принципе является ложным сознанием, мистифицирующим действительные объективные связи и отношения. Основоположники марксизма всесторонне обосновали тезис о конце, неминуемой исторической гибели именно этой идеологии и замене ее научным сознанием, дающим адекватное отражение социальной действительности. Таков объективный закон развития идеологического мышления.

Теоретики «деидеологизации» формально выступают против «идеологических искажений», «идеологических наслоений» и «идеологического субъективизма», за современный рационализм и объективность научного познания. Однако их усилия направлены на поиски средств укрепления буржуазной идеологии в целом, приспособления ее к существующей социальной действительности. Осознавая, что буржуазная идеология находится в состоянии общего и все углубляющегося кризиса, теоретики «деидеологизации» пытаются нащупать методы его преодоления, переформулировать некоторые традиционные установки буржуазного мировоззрения. Выдавая себя сторонниками так называемого неолиберализма, теоретики «деидеологизации» стремятся найти формы переориентации, «модернизации» буржуазной идеологии путем критики и устранения явно дискредитировавших, особо опасных или несоответствующих новым условиям положений. В связи с этим, как говорит Шилс, «посреди идеологических развалин» возникают проблемы позитивного характера. Необходимо переформулировать старые теории и идеалы с учетом тех изменений, которые произошли в современном мире. Необходимо дать обновленное понимание общества, пересмотреть с точки зрения «деидеологизации» прошлую человеческую историю и создать прогноз будущего общества. «Мы должны реконструировать наши убеждения, не поддаваясь искушению создать новые идеологии, — пишет Шилс. — ...Мнение, что наши традиционные идеалы ныне исчерпаны, поскольку они уже осуществлены, должно быть отброшено, равно как и утверждение, будто наша обязанность состоит лишь в отрицании всего, что существует. Мы должны найти постоянно действующие элементы в наших исторических идеалах... Отвергая идеологии, мы должны в то же время изучить, что в них можно спасти и что нужно сохранить» [7, стр. 57].

Поэтому теория «заката идеологии» есть не только яркое проявление кризиса буржуазной идеологии, не только признание этого кризиса устами самих буржуазных теоретиков, но в то же время попытка найти теоретическое обоснование для приспособления ее к существующим условиям, для видоизменения и некоторого обновления явно скомпрометировавших себя догматов. Эта теория является в целом безнадежной попыткой укрепления ложного, извращенного сознания.

Идеологическая модель современного империализма

В программе теоретического обоснования экономических и политических форм государственно-монополистического капи-

тализма важнейшее место занимает попытка создания идеологической модели современного империализма. Такой модели, которая, по замыслу буржуазных идеологов, отвечала бы трем целям: во-первых, удовлетворяла бы идеологическим потребностям монополистической буржуазии, заинтересованной в дальнейшем росте гигантских монополистических объединений, в дальнейшем сращивании этих объединений с правительственной администрацией, государственном вмешательстве в экономическую жизнь и т. д.; во-вторых, была бы (хотя бы по форме и словесному выражению) привлекательной, если не для всех трудящихся масс, то по крайней мере для обывательской массы, «молчаливого большинства»; в-третьих, служила бы идеологической альтернативой марксистскому учению о неизбежной замене капиталистического способа производства социалистическим.

Совершенно очевидно, что такая задача в принципе обречена на провал. Но вместе с тем нельзя и недооценивать значения подобных попыток создания и распространения в массах ненаучных, иллюзорных, спекулятивных концепций.

Теория «деидеологизации» наряду с другими современными буржуазными социологическими доктринами, прежде всего такими, как теории «стадий экономического роста», «единого индустриального общества», «конвергенции», «постиндустриального общества» и некоторыми другими, представляет собой на деле попытку создания идеологической модели современного империализма для оправдания практики государственно-монополистического капитализма. Между всеми этими теориями существует глубокое внутреннее родство, проявляющееся в принципиальной общности основных идеологических, теоретических установок.

Начать хотя бы с того, что все они возникли и разрабатывались почти одновременно, начиная с конца 50-х годов нашего столетия. Многие авторы теории «деидеологизации» являются в то же время создателями других доктрин. Так, французский социолог Р. Арон выступает с теориями «конца идеологии», «единого индустриального общества». Американский социолог и экономист Д. Гэлбрейт — проповедник теорий «конца идеологии», «нового индустриального общества», «конвергенции». Д. Белл в последние годы усиленно пропагандирует идеи о так называемом «постиндустриальном обществе». Все эти теории взаимно дополняют друг друга и претендуют на то, чтобы быть последним словом современной социальной науки, быть в известном смысле целостной «социальной философией» нашего времени, рассматривая различные сферы действительности — экономическую, социальную, политическую и т. д. — по сути дела под единым идеологическим углом зрения. Своеобразие теории «заката идеологии» заключается в том, что она выступает прежде всего

как определенная «политическая философия», концентрирующая свое внимание на проблемах политики и идеологии, интерпретирующая идеологические и политические феномены под углом зрения идей об «индустриальном обществе», стадиях роста, «конвергенции».

В чем же состоят основные характерные черты той идеологической модели империализма, которая составляет содержание этих теорий? Прежде всего, эта модель представляет собой не копию, а так сказать, «кривое зеркало» объективного мира. Она, хотя и отражает некоторые реальные социальные процессы, связанные с существованием двух противоположных общественно-экономических систем, широким развитием форм государственно-монополистического капитализма, разvertyвающейся научно-технической революцией, но отражает их в мистифицированном «перевернутом» виде.

Вопреки очевидным фактам, эти теории пытаются представить современный империализм как венец общественного развития, как высшую стадию, которой достигло человечество не только в технико-экономической, но и политической области. Они квалифицируют это общество как «индустриальное», «постиндустриальное», а Липсет, например, прямо называет его «хорошим обществом» [6, стр. 439], желая тем самым подчеркнуть характер его отличия от капитализма прошлого века. Согласно Липсету, «изменения в политической жизни Запада отражают тот факт, что фундаментальные политические проблемы индустриальной революции уже разрешены» [6, стр. 442]. Оставшиеся нерешенными или вновь возникающие проблемы не имеют кардинального политического значения. Они вполне разрешимы средствами хорошей системы административного управления производством и обществом. Получается так, что капитализм с его непримиримыми классовыми противоположностями, эксплуатацией, классовой борьбой, социальным неравенством и т. д. уже больше не существует. Он «преодолен» якобы посредством научно-технического прогресса. Социальная революция, которая в действительности только и может осуществить переход от одного качественного состояния общества к другому, изображается буржуазными теоретиками ненужной и несвоевременной.

Разумеется, признается не только сам факт существования мирового социалистического содружества, но и огромные его достижения в области технологии, науки, образования, управления социальными процессами. Однако подчеркивается, что социализм — лишь один из возможных путей к развитию «индустриальному обществу». «Западный путь» объявляется наиболее эффективным, безболезненным, наиболее приемлемым. Будущее человечества изображается как процесс «конвергенции» двух социально-экономических систем на базе отказа социалистических стран от их коммунистических порядков и прежде всего марксистско-ленинской идеологии.

Характернейшая черта этой идеологической модели империализма состоит в том, что в ней основной экономической единицей общества признается не мелкая или даже средняя фирма, а крупная корпорация государственно-монополистического типа, сосредоточившая в себе огромную социальную, финансовую и политическую силу. Такая корпорация изображается источником и основой общественного прогресса по принципу — «что хорошо для корпораций — хорошо для общества». При этом управленческая бюрократическая система корпораций выдвигается за образец, по которому должно быть построено управление всем обществом, в том числе и политическими, и духовными процессами. С этой точки зрения все то, что нарушает или мешает установленному сверху бюрократическими способами ритму и направлению общественных процессов, рассматривается

как нечто чуждое всему обществу, противозаконное. Каждый винтик и каждое колесико в этом механизме бюрократизированного общества должны подчиняться только импульсам, сообщаемым ему сверху, а в конечном счете — от пружины государственно-монополистического капитала.

Предметом особой озабоченности авторов этой модели империализма является доказательство той идеи, что в развитом «индустриальном обществе» коренным образом изменился характер взаимоотношений между классами и социальными группами: на смену классовой борьбе и идеологическим конфликтам пришло «классовое и идеологическое согласие» относительно основных ценностей и общественных идеалов. Особенно навязчиво пропагандируется идея, будто пролетариат «инкорпорирован» в этом «индустриальном обществе». Причина этого якобы заключается в том, что «рабочий класс достиг индустриального и политического гражданства» [6, стр. 442] и стал «равноправным партнером» буржуазии во всех общественных делах. Главные цели, за которые ныне выступает пролетариат, определяются его стремлением к повышению своего жизненного уровня. И в этом он преуспел больше других. «Рабочие, чьи обиды были когда-то движущей силой социального изменения, — пишет Белл, — теперь более удовлетворены обществом, чем интеллектуалы. Рабочие не достигли осуществления утопии, но их ожидания были меньше ожиданий интеллектуалов, а выигрыш соответственно больше» [5, стр. 374].

Важнейшее место в идеологической модели современного империализма занимает попытка, с одной стороны, приспособиться к требованиям совершающейся научно-технической революции, а с другой — использовать результаты этой революции для теоретического обоснования экономических и политических форм государственно-монополистического капитализма. Научно-техническая революция изображается прежде всего как нечто такое, что решает все общественные проблемы — и технологические, и экономические, и политические, и социальные. Характерна в этом отношении теория «постиндустриального общества», выдвинутая Д. Беллом в самые последние годы. По сути дела Белл дополняет идеологическую модель современного империализма прогнозом будущего развития, точнее говоря, он проецирует эту модель на будущее человеческого развития. Основная идея этой теории состоит в том, что человечество идет не к социализму и коммунизму, а к «постиндустриальному обществу». Опять-таки на первое место выдвигается стремление создать альтернативу марксистско-ленинскому пониманию общественного развития.

Что же представляет собой это общество? При построении своей теории Белл исходит из некоторых реальных процессов. Действительно, в результате научно-технической революции количественно растет слой научно-технической интеллигенции, расширяется сфера применения интеллектуального труда, сокращается время между теми или иными научными открытиями и их внедрением в практику, расширяется сфера обслуживания населения. В системе управления экономическими и технологическими процессами значительное место начинают занимать электронно-вычислительные машины и т. д. Однако Белл, абсолютизируя подобные факты, приходит к ложному выводу, будто в результате этих изменений рождается новое

«постиндустриальное общество», в котором ведущую роль играют уже университеты и ученые, а не корпорации и бизнесмены. По Беллу, в предшествующие сто лет господствующими фигурами в обществе были предприниматели, бизнесмены и менеджеры. В «постиндустриальном обществе» их место займут ученые, математики и социологи, практические работники в области новой «интеллектуальной технологии», которая вырастает как результат применения в широких масштабах электронно-вычислительных машин. Существенной чертой этого общества, по Беллу, является то, что в нем отсутствуют какие-либо значительные массовые «идеологические» движения. Наука, политика, философия, мораль и т. д. освобождаются от идеологических «искажений» и «наслоений».

Методологический порок этой теории состоит в том, что она совершенно оставляет в стороне вопрос о характере производственных отношений и собственности на средства производства — этой действительной основы всякого общественного организма. Белл абстрагируется от социально-классовых противоречий, присущих капиталистической системе. Поэтому его прогноз лишается объективной научной базы, а представляет собой попытку теоретически обосновать незыблемость государственно-монополистического капитализма (по крайней мере, в ближайшем будущем).

Апологетическая сущность теории Белла подвергалась и подвергается резкой критике. На VII всемирном социологическом конгрессе эта теория была также предметом острых дискуссий. Примечательно, что апологетическая сущность ее подвергалась критике не только со стороны марксистов. Так, английский социолог Д. Голторп (хотя он и выступал скорее с правых позиций) подчеркивал, что «постиндустриальное общество» — это не что иное, как существующий ныне капитализм.

Мы кратко обрисовали лишь некоторые специфические черты той идеологической модели современного государственно-монополистического капитализма, которую пытается разработать буржуазная общественная мысль. Теория «деидеологизации» является необходимой составной ее частью. Учитывая некоторые реальные факты современного общественного развития и приспосабливаясь к ним, эта модель тем не менее в целом представляет собой формулу ложного сознания: она переворачивает действительные отношения в мире с ног на голову и выдает частные узкокорыстные интересы правящей в капиталистических странах «элиты» за всеобщие интересы.

Важнейшая цель, которую безусловно ставит крупный монополистический капитал — это безраздельное господство над умами людей, усиление эффективности идеологического и пси-

хологического давления на широкие трудящиеся массы, которые все более теряют веру в буржуазные идеологические принципы и установки. «Империализм не может рассчитывать на успех, — говорил товарищ Л. И. Брежнев на Совещании коммунистических и рабочих партий в Москве в 1969 г., — открыто провозглашая свои действительные цели. Он вынужден создавать целую систему идеологических мифов, затуманивающих подлинный смысл его намерений, усыпляющих бдительность народов». Именно таким мифом является теория «деидеологизации».

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Само возникновение теории «заката идеологии», равно как и других буржуазных общественно-политических доктрин, говорит не о том, что мы являемся свидетелями «конца идеологической эры», а о том, что в современном мире происходит обострение идеологической борьбы.

Важнейшей чертой современной идеологической борьбы является то, что главный ее «фронт» проходит между социалистической и капиталистической общественными системами. В ее орбиту вовлечены ныне целые государства и группы государств. Именно этот факт определяет многие ее особенности. Идеологическая борьба приобретает огромный размах и глубину, в ней участвуют многомиллионные массы людей.

Какое место занимает теория «заката идеологии» в этой борьбе? Конечно, нельзя не видеть того, что она не является выражением грубого, примитивного антикоммунизма, который проповедуется и взят на вооружение правоэкстремистскими деятелями и организациями. Эта теория не пропагандирует, по крайней мере в явной форме, идеологический активизм, и в этом она отличается от концепций реваншизма, расизма, неофашизма и других. Более того, ее создатели отмежевываются от таких крайних форм буржуазной идеологии и даже подвергают их критике.

Теория «деидеологизации» является выражением другого направления антикоммунизма — более гибкого, наукообразного, а потому и более коварного. Она выступает под флагами науки, прогресса, демократии, свободы. Она нацелена не только на борьбу против марксизма-ленинизма, социалистических стран и международного коммунистического и рабочего движения, но и против демократических и всех прогрессивных движений в капиталистических странах. Правильно отмечает американский социолог М. Харрингтон, что теория «заката идеологии» — это «опасная философия», препятствующая свободному и критическому исследованию современного буржуазного общества [16, стр. 106].

Насаждая идеологическую и политическую пассивность

среди трудящихся масс, эта теория служит укреплению идеологической монополии господствующего класса. Таким образом, настроения «деидеологизации» и «деполитизации» могут явиться той основой, на которой расцветает идеология правого экстремизма.

В современных условиях теория «заката идеологии» наряду с теориями «индустриального общества», «постиндустриального общества», «конвергенции» и некоторыми другими является основным идеологическим оружием государственно-монополистического капитала.

«Мы живем, — говорил в Отчетном докладе XXIV съезду КПСС товарищ Л. И. Брежнев, — в условиях неухающей идеологической войны, которую ведет против нашей страны, против мира социализма империалистическая пропаганда, используя самые изощренные приемы и мощные технические средства». [4, стр. 111].

Однако борьба, которая ведется буржуазными теоретиками против идеологии научного коммунизма, свидетельствует о слабости их позиций, об исторической обреченности буржуазной идеологии. Капитализм бесповоротно утратил былую историческую инициативу в области идеологии. Он уже не в состоянии выдвигать идеи, соответствующие поступательному прогрессу общества. Эта инициатива всецело перешла к научному социализму, к марксистско-ленинскому учению.

СПИСОК ЦИТИРОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. К. Маркс и Ф. Энгельс. Собрание сочинений, 2-е изд. т.т. 3, 20, 21.
  2. В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т.т. 4, 6.
  3. Программа Коммунистической партии Советского Союза. М., Политиздат, 1964.
  4. Л. И. Брежнев. Отчетный доклад Центрального Комитета КПСС XXIV съезду Коммунистической партии Советского Союза. М., Политиздат, 1971.
  5. D. Bell. The End of Ideology. On the Exhaustion of Political Ideas in the Fifties. Glencoe, 1960.
  6. S. M. Lipset. Political Man. The Social Bases of Politics. New York, 1963.
  7. E. Shils. The End of Ideology? — «Encounter», 1955, vol. V, November.
  8. S. M. Lipset. The Changing Class Structure and Contemporary European Politics. — «Daedalus», 1964, vol. 93, N 1.
  9. S. M. Lipset. Some Further Comments on «The End of Ideology». — «The American Political Science Review», 1966, vol. LX, N 1.
  10. R. E. Lane. The Decline of Politics and Ideology in «Knowledgeable Society». — «American Sociological Review», 1966, vol. 31, N 5.
  11. A. Schlesinger and M. White (eds.). Paths of American Thought, Boston, 1963.
  12. J. La Palombara. Decline of Ideology: a Dissent and Interpretation. — «The American Political Science Review», 1966, vol. LX, N 1.
  13. D. Bell. Marxism—Leninism: a Doctrine on the Defensive. The «End of Ideology» in the Soviet Union? (Paper). Columbia University Press, 1966.
  14. X. Waxman (ed.). The End of Ideology Debate. N. Y. 1968.
  15. M. Harrington. Toward a Democratic Left: A Radical Program for a New Majority. N. Y., 1968.
  16. N. Birnbaum. The Crisis of Industrial Society. N. Y. 1970.
-

СОДЕРЖАНИЕ

О роли идеологии в жизни общества	4
Марксистско-ленинское понимание идеологии	5
О социально-классовых истоках ложного отражения действительности	8
Антикоммунизм под флагом «антиидеологии»	11
Наука, истина и идеология	15
Истина и классовые интересы	16
Познание и оценка	18
Социологическое знание и идеология	21
Идеология и практическая политика	22
Классовая политика и классовая идеология	23
Наступило ли «идеологическое согласие»?	25
Единство научной и идеологической сторон марксизма и его «ниспровергатели»	28
Буржуазные фальсификаторы научной идеологии	28
Что может означать «деидеологизация» марксизма современным ревизионизмом?	31
Социальное назначение теории «заката идеологии»	34
В поисках теоретической альтернативы марксизму	35
«Конец идеологии» и кризис буржуазной идеологии	37
Идеологическая модель современного империализма	40
Заключение	45
Список цитированной литературы	47

Лев Николаевич Москвичев

Антимарксистская сущность мифа о «конце идеологии»

Редактор *Г. Н. Савватеева*

Техн. редактор *А. М. Красавина*

Корректор *Л. С. Соколова*

А 01735. Сдано в набор 25/III 1971 г. Подписано к печати 7/V 1971 г.
Формат бумаги 60×90¹/₁₆. Бумага типографская № 3. Бум. л, 1,5. Печ. л. 3. Уч.-изд. л. 3,04. Тираж 59 960 экз. Издательство «Знание», Москва, Центр, Новая пл., д. 3/4. Заказ 724. Типография Всесоюзного общества «Знание», Москва, Центр, Новая пл., д. 3/4.

Цена 9 коп.